

Батон за 13 копеек

Марципана Конфитюр

Annotation

Очередная история про очередного попаданца, который в очередной раз спасает СССР.

Примечания автора: Это пародия на расплодившихся попаданцев — спасателей СССР.

Марципана Конфитюр

Батон за 13 копеек

Я закрыл шестой том книги «Бей жида-большевика». Герой-попаданец, обычный русский менеджер по продажам какой-то дряни, перенёлся в начало XX века и, движимый целью предотвратить революцию, уже почти дошёл до Николая II. Думаю, в седьмом томе он наконец доберется до царя и надоумит его повесить Ульянова-Ленина. Это действительно было бы классно, ведь без революции мы не потеряли бы Россию-Которую-Мы-Потеряли. До сих пор бы на балы в каретах ездили и хлебом всю Европу кормили, если бы эти смутьяны не постарались... Правда, пока продолжения автор не написал, так что я решил взяться за новый роман. Называется «Брежнев наносит ответный удар». Судя по аннотации, его главный герой, простой русский охранник магазина по продаже какой-то дряни, неожиданно попал в СССР и задался целью спасти его: уничтожить Горбачёва с Ельциным, пока они не сделали своё чёрное дело. Книга обещала быть очень интересной, ведь распад Союза был как-никак крупнейшей геополитической катастрофой! До сих пор мороженое по 18 копеек было бы, а варёная колбаса — по 2-20! Эх! Вечно нам кто-нибудь жить не даёт, вот же свинство!

Да, про СССР, наверное, даже интереснее будет. Уж очень я люблю эту страну. Думаю, если бы был Союз цел, то и моя жизнь была бы намного лучше. На работу бы меня распределили: при социализме ведь не было безработицы! Друзей бы было много: ведь в то время люди-то были душевные, в гости друг к другу ходили, не то, что сейчас! Может, даже девушку завёл бы: ведь известно, что в Союзе девушки были самые красивые, скромные и работающие. Не то, что нынешние вертихвостки с надувными губищами и сисищами! Ну что, разве неправда? Ни по телевизору, ни в интернете ни разу не видел нормальных девушек.

Кстати, о девушках! Я отложил книгу и сел за компьютер. Открыл сайт знакомств. Паршивый, конечно, сайтец. Ни с кем путным тут не познакомишься. Лично мне всегда попадались одни корыстные сучки: как только узнавали, что я живу с мамой в однушке, тотчас же сливались. Всем им олигархов подавай! А ещё нос воротят, когда узнают, что я не работаю и что образования у меня три курса техникума. Можно подумать, в наше время куда-нибудь можно устроиться не по блату! И что наше так называемое высшее образование никому ничего не даёт и получать его вообще смысла нету, им всем невдомёк. Вот в Союзе, там учили, это да! А что сейчас?..

В общем, несмотря на весь этот неприятный опыт, я решил всё-таки дать этому сайту еще один шанс. Зашёл в свой аккаунт. Оказалось, что за то долгое время, что я тут не был, мне накопилось целых восемь сообщений. Восемь дамочек жаждут со мной познакомиться! Что ж, ладно, поглядим ваши анкеты...

Через десять минут я отсеял жирух, некрасивых, очкастых, с детьми и нерусских. В итоге осталась одна. Симпатичная стройная девушка с русой косой и волнующей строчкой в анкете: «Я исполню твои самые заветные желания». Звали её Велимира. Хорошее имя. Славянское, наше, родное! Ну что ж, Велимира, попробуй!

«Привет, Велимира! Ты любишь современную русскую патриотическую фантастику?»
— написал ей я.

Ответ пришёл тут же:

«Ещё бы! Я сама её пишу!»

Оказалось, что она пишет про ведьму, которая умеет переносить людей назад во

времени, чтобы давать им возможность исправлять свои ошибки прошлого.

«Пусть Горбачёва перенесёт, — написал я в ответ. — Чтоб он Перестройку не начал. А лучше застрелился в утробе матери».

Велемира успела ответить улыбающимся смайликом, прежде, чем я сообразил, что Горбач-то и так уже умер.

«Или Рьжкова», — написал я вдогонку.

«Хотел бы сохранить Советский союз?»

«А кто из нормальных людей не хотел бы?»

«Ну да».

В общем, мы разговорились. Велимира согласилась со мной в том, что раньше нас все боялись, была стабильность и батон за 13 копеек, а теперь вокруг одни бездельники, проклятые либералы и гомосеки. Надеюсь, что упоминание гомосеков в одном ряду с другими отрицательными лицами убедило её в моей непреклонной мужественности.

Встретиться она предложила прямо сегодня вечером. Для солидности я написал, что вообще-то сегодня мой вечер уже расписан, но так и быть уж, часок для неё смогу выкроить. Сговорились быть у станции метро к семи часам.

Времени оставалось немного, так что собираться надо было уже сейчас. Я написал ребятам из гильдии, что не смогу быть в сегодняшнем рейде. Поставил чайник. Пока он закипал, побрился быстренько: всё-таки надо прийти к Велимире во всей красе! Потом заварил «Доширак»: кто его знает, как долго продлится свидание, вдруг есть захочется, не тратиться же на кафе, в самом деле. Джинсы были недавно пострираны, носки почти без дырок тоже нашлись, а вот чистых футболок не обнаружилось. Пришлось надеть наименее вонючую из тех, что имелись. С мыслью о том, что вечером надо будет сказать матери, чтобы постирала, я залез в её заначку и забрал остатки пенсии — на случай, если на свидании придётся купить цветы или что-нибудь в этом роде. Ничего, завтра новая пенсия. Правда, с этих денег мы планировали соседу долг отдать... Ну да ничего. Обойдётся сосед, перетопчется. Человек человеку волк, звериный оскал капитализма, ничё не поделаешь. Небось, не при социализме живём, когда все были дружные и бескорыстные, а мире наживы и чистогана. Так что, хочешь жить — умеи вертеться.

* * *

Фотки Велимиры оказались настоящими. Она действительно оказалась красивой девушкой с длинными, даже на удивление длинными волосами и странно пронизывающим взглядом. Признаться, я даже удивился, что она не обманула меня. Потом, правда, быстро пришёл в себя и, решив, не показывать ей своей слабости, сразу же заявил, что ходить по кафе и кинотеатрам — это убожество, выкачка денег из населения и обслуживание грязных интересов капитала. Велимира спросила, куда же мы пойдём в таком случае, и я ответил, что посидим на скамейке, как делали пары в те добрые времена, когда пионерские булочки стоили 9 копеек. Велимира согласилась. Мы пошли в ближайший двор и там уселись.

Общаться с ней оказалось довольно приятно. Разговор душевный вышел. Я рассказал Велимире про то, что мать вечно готовит мне борщ, а освоить другие рецепты не хочет; про то, что у работодателей сейчас какие-то непомерные требования; про то, что молодёжь не хочет заниматься ничем полезным, а только и умеет залипать в своих компьютерах; про то,

как хорошо было бы бросить атомную бомбу на Америку; про то, наконец, что мы, 35-летние, оказались последним поколением, заставшим СССР, и вследствие этого более-менее что-то соображающим. Девушка всё слушала, кивала. Этим, если честно, она очень мне понравилась. Почувствовав рядом с собой родственную душу, я разоткровенничался и поделился с ней тем, о чём думал особенно часто:

— Вот если б вернуться в Союз!.. Ведь какие там люди-то были! Фашизм победили! Летали в космос! Дружба народов была... А не то, как сейчас, что везде черножопые шляются... И главное, люди были душевные! Все друг другу помогали, за наживой не гонялись, Родину берегли... А потом что? Дерьмократы развалили всё, променяли великую державу на колбасу!

— А ты сам готовить любишь? — неожиданно спросила Велимира.

— А что?.. Да так, не очень...

— Есть один рецептик... Я уверена, тебе должно понравиться, — в руке у Велимиры появился маленький блестящий шарик, напоминающий потерявшуюся деталь от футуристического космолёта. — Вот, возьми. Вскипяти дома кастрюльку с водой и брось этот шарик туда.

— И что будет?

— Увидишь. Только помни: три туда и три обратно.

* * *

Я пришёл домой заинтригованный. «Три туда и три обратно» звучало как описание каких-то фрикций, хотя вряд ли речь шла именно о них... Впрочем, я б не отказался! Мать в комнате смотрела телевизор и даже не услышала того, что я вернулся. Ну и ладно. Я немедленно отправился на кухню, налил кастрюльку и принялся ждать. Пока суть да дело, пошарился по кухне в поисках съестного, но ничего интересного, кроме вчерашнего супа, не отыскалось.

Кстати, кухня у нас была старая, старше меня. Простой такой, без всяких наворотов гарнитур серо-желтого цвета. Его ещё бабка моя покупала. При Брежнев, вроде. Вот, как вещи делали в Союзе! На века! А что сейчас?..

Посуда, кастрюли, сервизы там всякие разные — тоже от бабки. Из современного у меня только кружка с надписью «Денег нет, но вы держитесь»: на работе подарили, ну, когда ещё работал. Думал выкинуть, да жалко, денег стоит.

Я вообще люблю старые вещи — качественные, советские, сделанные по ГОСТу. В общем-то, такие меня по большей части и окружают. Например, вот этот стол и табуретки — даже понятия не имею, сколько лет им. Или вон, часы висят в деревянном корпусе с чайкой и прилепленной наклейкой от банана. Думаю, они отсчитывали время ещё тогда, когда все нас боялись, а мы были счастливы...

Вообще, эту квартиру дали 76-м году моему деду. Кстати, дед был настоящий человек! Такой, как надо! Работяга! Коммунист! Партийный был! Дорос до начальника цеха. План давал всегда неукоснительно! Летом рыбачить любил, на природе гулять. Мальдивы ему всякие и даром не нужны были! Жаль, помер он ещё при Горбачёве. Хотя, может, даже лучше, что и помер-то. Позора не увидел. Как страну всю пиндосам распродали чёртовы либерасты.

Бабка моя тоже была одна из тех людей, на ком держался Союз. Теперь таких достойных женщин днём с огнём не сыщешь. Всю жизнь в монтажном техникуме проработала, историю партии и научный коммунизм преподавала. Шить умела, вязать, всю семью одевала! Масло делала домашнее, умела! Чудо-бабка!

Да что там говорить, в нашей семье все были достойные люди и настоящие патриоты! Вот батя мой, опять же, деда с бабкой сын — в Афгане интернациональный долг выполнил, родину защищал! Правда, нервы у него там не выдержали, так что запил сильно он, когда вернулся, да и помер. Я его почти не помню. Да и деда с бабкой едва-едва застал. А вот были бы они живы, так, глядишь, и всё бы по-другому было! А если бы все были, как они, тогда не распался бы наш Союз ни за что на свете! Не смогли бы враги к нам пробраться и всё развалить! Была бы Эстония наша. И Туркмения. И Латвия. И Грузия. И Польша. И Германия Восточная. И все.

... Тем временем, вода, наконец, закипела. Я бросил туда шарик, тут же подумав, что когда он поболтается в кипятке, а я пойму, что это всё фуфло, и извлеку его, неплохо было бы сварить в этой же воде несколько пельменей, кажется, завалившихся в морозильнике... Впрочем, уже через пару секунд мне стало не до пельменей.

Сначала вода забурлила, как будто кипение стало сильнее от шарика. Потом белая пена поднялась до самого края кастрюльки. Я подумал, что сейчас пойдёт наружу, хотел выключить, но отпрянул, увидев огромное облако пара, поднимающееся навстречу мне. За пару секунд это облако достигло человеческого роста, а затем и стало во всю кухню, с пола до потолка. А потом случилось нечто уж совсем необъяснимое. В центре облака обрисовалось нечто, чрезвычайно напоминающее дверь. А потом это нечто открылось, как будто меня приглашая...

Ну и что мне оставалось? Я вошёл.

Сначала ничего не изменилось. Только кухня из желто-серой внезапно перекрасилась белый цвет. Отмылась, что ль, как будто... Так её, что, чистить было можно? Вроде даже обновилась. Ох, вот мамка-то обрадуется! Выходит, Велемира подарила мне волшебное средство для мойки кухонь...

Взгляд упал на стол и табуретки. Они тоже стали как-то лучше выглядеть. Краска на ободранных местах восстановилась странным образом... С часов с чайкой исчезла наклейка с банана, а большой царапины, которую эта наклейка скрывала, почему-то видно не было. Обои стали ярче, без пятен жира. Разноцветных тарелок, висевших на стенке для красоты, странным образом сделалось пять, хотя было четыре. С холодильника пропали все магниты и календарь с губернатором... Чёрт! Да холодильник-то не наш! Это ж Зил, раритет!

Я обернулся и глянул в окно. Обомлел. Машин мало, и все — «москвичи» с «запорожцами». Вместо нашей привычной «Пятёрочки» — кинотеатр «Воркута». Надпись «Союзпечать» на газетном ларьке, которого сроду не было в этом месте. И громадные буквы на крыше соседнего дома: СЛАВА КПСС!

Мне, что, это снится?!

Или я слишком много романов про попаданцев читаю?!

Сбрендил, может...

В рассуждении, куда сунуться, я по привычке полез в холодильник. Дёрнул за огромную серебристую ручку — тяжёлая дверь отворилась. Мои банки с пивом пропали. Вакуумных упаковок с сосисками, которые мать накануне купила три по цене двух, тоже почему-то не было. Может, конечно, она их и съела. Но пакет с молоком в форме пирамидки мать уж точно не могла сюда поставить! Ведь такие уж давно не продаются!

В надежде, что проснусь или пойму, что происходит, я взял открытый пакет и отпил. Молоко. Настоящее. Ладно... Может, мать сменила холодильник без меня, а я не знал... Может быть, «Пятёрочка» закрылась... А «Слава КПСС» это наверняка какой-то рекламный прикол... Всеми этому должно быть более правдоподобное объяснение, чем то, что я перенесся в СССР...

Я попытался закрыть холодильник, но не сумел. Пришлось что есть сил хлопнуть дверцей. Сразу за грохотом холодильника в коридоре послышались чьи-то шаги. Мать бежит на шум... Или не мать?.. Хоть бы мать, а?..

— Ух, мать...! — выразился незнакомый мужик в майке-алкоголичке и растянутых трениках, вбежавший ко мне на кухню. — Ты кто такой?!

— А ты кто? — ляпнул я, не более радостный его появлению, чем он моему.

— Ты, что, ох...л?! Я живу тут! — ответил мужик. А потом закричал: — Эй, Маруся! Топор принеси!

Я хотел сказать, что тоже здесь живу, но, услышав при топор, воздержался от этого.

— Не надо топор, — постарался сказать как я можно миролюбивее. — А какой сейчас год, а?

— Ты, что, е...тый? — спросил мужик в майке.

Я встретился с ним взглядом и внезапно осознал, что это дед мой. Точно таким я видел его на чёрно-белых фотографиях, сделанных до моего рождения. Теперь он стоял передо мной живой, сорокалетний или около того и не подозревающий, что есть реальность, в

которой мёрв уже и он, и его Родина.

Через секунду за спиной деда нарисовалась бабка. Я смутно помнил её лицо, каким оно было в 90-е. Впервые вижу, чтобы люди молодели! Впрочем, сегодня со мной много что происходит впервые...

— Это кто? — спросила бабка.

— Да чёрт его знает, — ответил ей дед. — Шизанутый какой-то.

— Как вы сюда попали? — Взгляд бабки упал на кастрюльку с кипящей водой и на облако с дверцей. — А это еще что тут за туман?

— Да нехрен выяснять. Беги к соседям, пускай вызовут милицию...

— Не надо милицию. Николай Иванович, Мария Петровна! Я прибыл к вам из будущего. Я путешественник во времени. А это облако пара — вот видите дверку? — это проход в XXI век, из которого я прибыл.

Потрясённые дед с бабкой переглянулись.

— Откуда вы знаете, как нас зовут? — спросил ставший заметно более вежливым дед.

— Из будущего он, что непонятно?! — огрызнулась баба Маня.

— Так точно, — отозвался я. — Из будущего. Мне заранее сообщили имена людей, к которым я попаду.

О том, что дед и бабка это мои дед и бабка, я решил им не рассказывать. Боюсь, им наверняка захочется узнать о судьбах близких и о своих собственных судьбах. Слово за слово, они поинтересуются, когда умерли, а я не сумею соврать убедительно. Не люблю сообщать людям плохие новости. Пусть думают, что я просто посланец человечества.

Тут на кухню зашёл парень лет пятнадцати, который ужасно напомнил мне меня самого в школьные годы: те же черты лица, тот же цвет волос, тот же взгляд исподлобья — только он был мельче и тщедушной.

— Здравствуй, Юра, — сказал я ему.

Батя выпучил глаза в недоумении.

— Он нас всех знает, — сказала баба Маня не без гордости. — Это времяавт из коммунизма.

— Чем обязаны, товарищ? — спросил дед. — С какой высокой миссией вы прибыли?

— Я прибыл, чтоб спасти СССР, — ответил я, не колебавшись ни секунды.

* * *

Через минуту все трое сидели на табуретках, а я возвышался над ними, как лектор перед студентами.

— Спасти-то от кого? — спросила бабка.

— Да уж ясно, от кого, — ответил дед. — От атомной войны, да? Довели-таки до ядерной зимы отцы народов? В каком году Землю взорвали?

— Нет, — сказал я. — Атомной войны не приключилось. Ну, по крайней мере, в тот миг, когда я покинул свою эпоху, её ещё не было...

— А какая эпоха-то ваша? С какого вы года?

— Из 2022-го! — ответил я, и сам проникся тем, как фантастически звучит это в XX веке.

— Это что ж, тридцать девять годков пролетели, выходит, — прикинул дед Коля.

Вот как. Ясно. Значит, мы тут при Андропове живём, сообразил я, в свою очередь. Последние нормальные годочки.

— А вы уже построили коммунизм? — спросил батя, отчего-то сразу вызвав снисходительные улыбки обоих взрослых.

— Не построили! В том-то и дело! Распался Союз! Потому и спасать его надо!

— Не мудрено, — буркнул дед.

Я не стал расспрашивать, что он имеет в виду. А бабка спросила:

— Да как он распался-то? Как он вообще мог распасться? На что? На республики, что ли?

— Так и есть: на республики! Проклятая Америка и её либерастические прихвостники устроили перестройку и развалили всё к чёртовой матери! Нет больше ни дружбы народов, ни пятнадцати сестёр, ни красного флага! А строим мы теперь капитализм!

— И как он? Строится? — поинтересовался дед с удивительным для меня равнодушием.

— Дурацкое дело не хитрое! — Я развёл руками. — Бизнесменов как говна за баней. От рекламы ступить некуда: «Купи это, купи то»... Всем одни лишь деньги и нужны! Девушки хорошей сейчас днём с огнём не найдёшь — только сучки меркантильные остались. Да и мужики измельчали. Гомосексов развелась тьма!

— А в промышленности что? — прервал дед мои размышления о гомосеках. — Планы высокие ставят?

— Да нет теперь планов! Кто, что хочет, то и производит! И промышленности нету, если в целом! Развалили всю промышленность! У нас гвозди — и то импортные!

— Интересно, какие они — импортные гвозди... — мечтательно произнёс дед.

— Да дрянные они! Всё дрянное! Еда ненатуральная! Одежда — из синтетики! Мебель — ДСП! Даром, что в магазинах её полно...

— Мебели полно? — всплеснула руками баба Маня. — Что, прямо в магазинах? Продаётся? И что, разная? И выбрать её можно? Без талонов? Ну это же, наверно, не для всех, для каких-то спецкатегорий же, да, наверно?

— Для всех. Можно выбрать, да незачем. Дрянь это всё. Вещи — дрянь! Вот общение человеческое, дружба, солидарность — это да. В ваше время это есть. А в наше все только и делают, что за вещами гоняются. Общество потребления, мать его! У иного сопливого пацана три пары кроссовок американских, так ему ещё и четвёртую подавай! Зато в голове — пустота! И то ещё хорошо, если он гомосеком не вырастет, а то развелась их тьма-тьмущая...

— Три пары кроссовок... — взволнованно прошептал батя. — А скажите, дядя, это на вас — джинсы?

И угораздило же меня залететь в андроповскую эпоху в этих проклятых буржуйских штанах! А, впрочем, я других и не ношу...

— Ну да, это джинсы... Эх, Юрка, поверь: не в них счастье!

На лице отца мелькнуло такое выражение, словно он хотел сказать: «нет, дядя, как раз в них». Секунду спустя это выражение исчезло, Юрка посерьёзnel и задал ещё один вопрос:

— А вот можно вас, товарищ времянавт, ещё спросить? Война в Афганистане скоро кончится? Кончится она до того, как мне восемнадцать будет?..

Я на миг растерялся. В глазах бати мне привиделось ужасное предчувствие. Соврать или расстроить его?.. Пока я раздумывал над этой дилеммой, включилась бабушка:

— Юра, что ты к человеку лезешь с глупостями?! Кончится, конечно! Тебе до

восемнадцать три года! Войны так долго не длится! Да вообще она уже кончается... почти что... Да, товарищ?

— Ага, — сказал я. — Ты, Юрка, не бойся войны! Настоящий мужик, он войны не боится! Он Родину защищает! Вот я, например...

Я хотел сказать, как круто играю в танчики и как героически поддерживаю русское воинство в Интернете. Потом решил, что объяснять предкам, что такое Интернет и компьютерные игры, будет слишком сложно.

— Вот я, например, прибыл к вам сюда именно с этой целью! Спасти нашу общую Родину! Исправить историю и сохранить страну, которую дерьмократы променяли на колбасу!

— Кто такие дерьмократы? — спросил Юра. — Это, может, демократы? Что, Белинский, Чернышевский, Добролюбов?... Но они же уже умерли...

— Да Юрка, замолчи, не суйся с глупостями! — оборвала его мать. — Вы, товарищ, лучше про колбасу расскажите! Что у вас там при капитализме с колбасой?

— В смысле — что... — Я растерялся. — Это было образное выражение. Я хотел сказать, что либероиды обменяли величие нашей страны на западные погремушки. Вот я и говорю — за колбасу продали.

— Да-да, — сказала баба Маня. — Понимаю. Ну так мне вот интересно: за какую именно колбасу продали Родину? Варёную или копчёную? Может, докторскую? Может, сервелат? О, знаете, я слышала, что при капитализме есть тридцать сортов колбасы. Это правда? Вот девчата говорили. Я не верю. Их же столько не придумать!

— Мария Петровна, нашла про что спрашивать! — бросил я укоризненно. — У вас Отечество в опасности, понимаете? Вас Америка вот-вот поработит! А вы про колбасу чего-то спрашиваете! Ну есть эти тридцать сортов, ну и что?! Что с них проку? В любом супермаркете тридцать, и сорок, и пятьдесят...

— Пятьдесят! — бабуля ахнула. — Скажите, а что супермаркет — это, получается, такой большой магазин самообслуживания? Это где полки, полки, полки, а на них товары, товары, товары... И ты там идёшь и берёшь, и берёшь, и берёшь всё, что хочешь... И у вас такие есть, да?

— Ну есть, — буркнул я.

— О, Юрка! Слышал? — дед хлопнул отца по плечу. — Вот оно, твоё светлое будущее! Будешь в старости жить по-буржуйски! В супермаркеты будешь ходить!

— А бананы к вам завозят? — спросил Юра.

— Завозят. До жопы бананов, — сказал я, не желая сообщать ему о том, что до старости он не доживёт. — А вы, товарищи, лучше бы поинтересовались более серьёзными вещами, чем эти мелочи. Вот вы можете себе представить, чтоб мужики с мужиками как бабы жили? Чтобы красились, манерничали... И ещё говорили, что это нормально! В наше время в Америке так. И мало им своих извращенцев, они еще и стараются к нам это распространить! Гомосексов развелось уже немеряно!.. А что у хохлов сейчас — даже представить не можете...

— Плевать на хохлов, — сказал дед. — Вы, товарищ, правду нам сказали про колбасу и бананы?

— Ну естественно, правду!

— И скоро ли наступит такая жизнь?

— Да уже в девяностые!

— Долго, — вздохнул Николай.

— Вот именно! У нас еще есть время побороться! Спасти Родину! Так что же? Вы сс
мною?

— Ну пожалуй, что и с вами, — сказал дед. — А скажите, я правильно понял, что вот
эта дверка из пара — она в ваше время?

— Да. Представьте, я встретил волшебницу, которая исполнила моё заветное желание
— создала портал в восьмидесятые!

— Стало быть, он и обратно работает?

— Ну, вероятно. А что?

— Да так я, просто... А вы знаете, товарищ... Как вас там... Хотя не важно...
Принесите мне, пожалуйста, отвёртку!

— Зачем?

— Я вам фокус покажу, — ответил дед. — Посмотрите фокус, а дальше начнём спасать
Родину сразу. Отвёртка на балконе, балкон в комнате.

Я знал, где балкон и где с давних времен размещаются инструменты. Бегом бросился в
коридор, оттуда в комнату. Бросил несколько любопытных взглядов на ретро-облик моего
привычного жилища. Вышел на балкон, нашёл отвёртку.

И вернулся.

Переступив порог кухни, я сразу же понял, зачем деду Коле понадобилась отвёртка.
Чтоб отвлечь меня! На моих глазах в волшебной дверке мелькнул и скрылся бабушкин халат.
Бати уже не было. Дед стоял у самой дверки.

— Что же вы творите, Николай Иваныч?! — смятенно воскликнул я. — Как же вам не
стыдно?! А кто же Союз спасать будет?

— Так вам надо — вы и спасайте, — ответствовал дед.

Шагнул дверку и исчез.

Пар тут же рассеялся. Шарика в кастрюльке больше не было.

«Три туда — три обратно» — вдруг вспомнилось мне.

На обычной советской плите в обычной советской кухне обычного советского человека
остывала обычная советская вода.

Первые минуты я был в шоке от того, что навсегда застрял в чужой эпохе. Потом решил: да что я, в самом деле? В самом лучшем в мире государстве, что ль, не выживу? Да выживу, конечно! И благостным «застоем» наслажусь, и Андропову помогу за дисциплину бороться! Он ведь молодец, этот Андропов-то! Не даром кэгебэшник! Он с врагами церемониться не станет! Вот дойду до него, расскажу, что за дело проклятые Ельцин с Горбачёвым замышляют... А потом буду стоять и похихатывать, глядя как они в клетке в суде умоляют их не расстреливать. То-то бабка с дедом обломаются, когда в будущем не будет никаких джинсов! А будет там вечный Союз, мною лично спасённый!

... Впрочем, перед тем, как приступать к его спасению, следовало освоиться. Так, квартира у меня уже была. Причём честно унаследованная! Ключи от неё я нашёл в коридоре: замок на деревянной двери был тот же самый, вот только второй, железной, установленной в 90-е еще не было.

В комнате стоял хорошо знакомый мне мебельный гарнитур (ещё не обшарпанный) и висел хорошо знакомый мне ковёр (ещё не выцветший). Вот только на месте моего компьютерного стола находилась кадка с фикусом. «Сейчас вся наша гильдия в рейде, — внезапно мелькнуло в сознании. — В игре про огород поспела тыква... В контакте хохлов обсуждают — и всё без меня... На АТ автор книги «В постели со Сталиным» выложил проду...». Впрочем, эти мысли не подобали спасителю Родины, так что я их отогнал, как только смог.

В шкафу нашлись дедовы шмотки. Мне они были немного коротковаты, но в целом по размеру — всё лучше, чем в штанах буржуйских шляться! Я переоделся.

Потом вспомнил: бабушка рассказывала: дед ей отдавал свою получку, но, как все советские мужики, откладывал на собственные нужды, и как-то раз жена обнаружила его накопления за бачком в туалете. Я метнулся в уборную. Вот так удача! Дедова заначка была здесь! Я сделался счастливым обладателем аж целых тридцати пяти рублей. Как раз будет на первое время на жизнь... Интересно, на долго ли хватит? Начал вспоминать советские цены, прикидывать в голове... А потом решил — какого чёрта? Надо просто пойти в магазин и увидеть все цены воочию! Тем более, жрать уж охота. Гештальт с пельменями, про которые я думал перед тем, как оказаться здесь, пока что не закрыт...

Я вышел на улицу. Двор был всё тем же двором, по которому всего час или два назад я возвращался со свидания с Велемирой: серые хрущёвки, помойка возле ограды детского сада, всё те же бабульки на лавочке. В этот раз их сидело две штуки, и они проводили меня взглядами, полными подозрений. На миг мне показалось, что одна них это Людмила Васильевна — наша полоумная соседка снизу, которая несколько раз вызывала милицию из-за того мы с матерью якобы двигаем мебель посреди ночи. Говорят, что крыша у нее поехала после того, как единственному сыну Славке дали пожизненный срок за разбой... Впрочем, это я отвлекся. Нынче время другое, и бабки, конечно, другие. Эти, небось, при царе родились-то ещё...

Проходя через двор, я заметил, что тот стал как будто просторней, пустее. Наверное, это было из-за того, что горизонт не загораживали двадцатипятиэтажки соседнего района. И машин во дворе почти не было. В чём-то эта пустота была приятной, но в чём-то, признаюсь, пугала слегка: было ощущение, что кто-то постепенно демонтирует мой мир, и вслед за

машинами и небоскрёбами всё остальное исчезнет.

Обследовав пару кварталов, я набрёл на булочную, в помещении которой в будущем расположится отделение одного крупного банка. Внутри неё тоже было как-то пустовато и непривычно: вдоль стен стояли деревянные стеллажи, над которыми красовалось суровое «РУКАМИ НЕ ТРОГАТЬ», а на одной из вертикальных перекладин болталась привязанная на веревочке рогатина. Часть стеллажей пустовала, на остальных лежали целые и располовиненные буханки серого. В уголке, у самой кассы, покоился тот самый батон по 13 копеек в единственном экземпляре — такой же одинокий, как и я.

Я потрогал батон рогатиной. Шибко свежим он, кажется, не был.

— А других батонов не осталось? — спросил я у продавщицы в белом халате и колпаке.

Та ответила, что мне следует открыть глаза или обратиться к окулисту, раз я не могу ответить на этот вопрос самостоятельно. Ответить на такое было нечего, так что я признал своё поражение, купил батон и пошёл дальше по улице, откусывая прямо от него.

Это был тот самый вкус детства!.. Ну, в смысле... Батон был на вкус как батон.

Дойдя до трамвайной остановки, где обычно садился, когда ехал в центр, я набрёл на ещё один магазин. Лаконичное одноэтажное здание со стеклянным низом, разрисованным картинками с едой, и бетонным верхом, украшенным вывеской «Универсам», обещало пиршество натуральных продуктов по социалистическим ценам.

Я зашёл.

Пельменей не было...

В стеклянных витринах, которые караулили продавщицы, стояли пустые корыта, напоминающие о мясе, и покоились горы колбасного сыра. В открытом доступе стояли пирамиды рыбных консервов, морской капусты, томатного и яблочного сока в пятилитровых банках. В большой белой ёмкости располагалась батарея стеклянных бутылок с кефиром. Для покупки сметаны был нужен бидон, коего у меня не имелось. Несколько тёток копались в большой металлической корзине, заполненной кочанами капусты, и источающий лёгонький запах гнилья (потому что без химии!). Были ещё какие-то макароны и крупы в картонных коробках. Их мне как-то пока не хотелось.

Я побродил по универсаму, наслаждаясь видом тех самых ценников, о которых так долго и мечтательно читал в Интернете. Пёс с ними, с пельменями! Сам сготовлю, если будет надо! И сникерсы с марсами сратые, и кока-кола, и чипсы — в гробу я видал их! Да, магазин здесь не такой, как я привык. Зато всё своё, родное, никакой американщины, никакого мусора пищевого! Вот сейчас сайру возьму или «завтрак туриста», поем их с батонном — и сыт. Много ль надо-то?

Я остановился возле стеллажа с консервами, приглядывая себе подходящий ужин.

«И все бегут, а он им светит! И все бегут, а он горит!» — надрывалось радио.

Я отвлёкся от консервов и задумался о том, кто это поёт.

Так задумался, что даже не заметил, как меня окружили четыре милиционера.

— Ваши документы, гражданин, — сказал один из них, представившись и назвав звание. — Почему вы в такой час не на работе?

В отделении милиции было так же тоскливо, как у меня на душе. Стандартные, довольно-таки обшарпанные стены — снизу зелёные, сверху белые. Пыльные подоконники. В коридоре — стенд «Они сражались за родину» с фотографиями ветеранов. В кабинете, куда меня привели, — груда папок на столе, ни единого компьютера и неперемный портрет вождя, Юрия Владимировича.

Фамилия участкового была Рогожкин. Это был тщедушный паренёк, на вид моложе меня, но с усталым взглядом человека, уже немало повидавшего.

— Ну что, гражданин, — устало и как-то безнадежно проговорил он. — Может, всё-таки представитесь? Или задержать вас до выяснения личности?

Когда менты замели меня в магазине, я не придумал никакого правдоподобного объяснения тому, почему я не на работе. По первости хотел было сказать, что безработный, да побоялся: в СССР безработицы нет ведь! Представиться я тоже отказался и всю дорогу до отделения думал о том, как бы вывернуться из этой истории. Ничего толкового так и не придумал.

— Ладно. Моя фамилия Колобков, — признался я. — Но паспорта нет. Потерял.

— Очень жаль, гражданин Колобков, что вы так халатно обращаетесь с документами, которые вам выдало государство, — сказал милиционер. — Ну так где же вы работаете? И почему в четыре часа дня в четверг шатаетесь по универмагу вместо того, чтобы быть на рабочем месте?

— Тут такое дело... — я вздохнул. — Вы, товарищ милиционер, мне наверняка не поверите. Дело в том, что я путешественник во времени. Я прилетел из будущего.

— Гражданин Колобков! — отозвался Рогожкин. — Мы с вами взрослые люди!..

— Понимаю, вы, конечно, мне не верите! Но правда! Я перенёсся сюда из 2022 года! Чтоб спасти СССР!

— От вторжения марсиан, я полагаю?

— От распада! Понимаете, всего через восемь лет Союз распадётся!

— За восемь лет вы сможете отсидеть за тунеядство четыре раза.

— Гражданин Рогожкин, я серьёзно! В девяностые тут уже будет пятнадцать отдельных стран! И все под влиянием Штатов!

— Может, ещё небо на землю упадёт? — язвительно поинтересовался милиционер. — Гражданин Колобков, ведите себя по-человечески, не заставляйте меня вызывать психиатров!

— Да блин! Вот вам кажется, что СССР навсегда, да? А шиш! Андропов скоро умрёт. Потом будет старый Черненко, он тоже умрёт. А потом генсеком изберут предателя Горбачёва...

Рогожкин встал.

— Гражданин Колобков! Я понимаю, что платить штраф за прогул или садиться за тунеядство никто не хочет. Но антисоветская пропаганда — это гораздо более тяжёлая статья! Ну вот что вы такое несёте?!

Я прикусил язык. Да, кажется, здешняя милиция ещё не готова к спасению Родины... Вдруг мелькнула мысль в голове: а что, если назваться именем деда и назвать его место работы? Раз я застал его дома с семьёй, может быть, сегодня у него законный отдых? Может,

смена не его?

— Колобков Николай Иванович, 1940 года рождения, уроженец города Кыштым, — забормотал я. — Русский. Коммунист. Начальник цеха металлообработки на заводе «Красный компрессор».

— Ну вот, так бы сразу! — ответил Рогожкин. — Ваш рабочий телефон!

— Не помню. Честно.

Участковый вздохнул, но ругаться не стал: видимо, ему уже надоело общаться с чудилой из непонятно какой эпохи. Он кому-то позвонил, попросил найти номер «Красного компрессора» и вскоре уже набирал его на обаятельно-допотопном дисковом аппарате.

— А знаете, телефоны скоро кнопочные будут, — заметил я. — А потом вообще мобильные. С экраном.

Рогожкин взглянул на меня строго, словно учитель на нерадивого ученика. А потом сказал в трубку:

— Добрый день! Колобков Николай Иванович у вас работает? Начальник какого-то цеха... Ага... У него сегодня выходной?.. Да, отлично, спасибо!

Он повесил трубку.

— Я могу идти? — спросил я, сжав с надеждой свой искусанный батон.

— Можете, Николай Иванович. Понятия не имею, зачем была вся эта клоунада, если можно было просто сразу сообщить, где вы работаете. И что смена сегодня не ваша. Идите, идите.

К тому времени, когда я вышел из милиции, все продуктовые магазины уже закрылись. Честно говоря, после жизни рядом с круглосуточной «Пятёрочкой» поверить в это было немного сложно. Но делать нечего! Догрызая батон, я направил стопы домой в надежде, что там поскребу по сусекам и ужин себе как-нибудь сварганю.

Добравшись до дома, я заприметил хорошенькую молодую мамашу в лёгком розовом платье, подчёркивающим плечи, и с причёской в стиле Пугачёвой. Ей никак не удавалось втащить коляску со своим отпрыском по лесенке, чтобы попасть в наш подъезд. Я решил, что если помогу ей, то она поймёт, что зря выбрала того мужика, который сделал ей этого мелкого, а не кого-нибудь типа меня. И помог.

Дамочка рассыпалась в благодарностях:

— Спасибо огромное! Что бы я тут без вас делала?!

— Мелочи, — сказал я благородно. — Мы, советские люди, всегда помогаем друг другу, не так ли?

Женщина взглянула на меня как на придурка. Потом мило рассмеялась:

— Ой, а вы ещё и с юмором! Шутник! Знаете, по-настоящему остроумные мужчины это редкость!

Я вообще-то не шутил, но раз ей нравятся юмористы, пускай так и будет.

— Без шуток не прожить, — ответил я.

— Ой, да, не говорите! В наше время только юмор и спасает!.. Кстати, кажется, мы не знакомы! Я Люся!

— Серёга.

— А я вас тут раньше не видела. Квартиру поменяли?

— Я в гостях, — придумал я. — Живу у брата.

— Ой, и долго вы тут будете?

— Не знаю. Может, месяц, — ляпнул я.

— Вот как! Тогда заходите на чай, если вдруг заскучаете.

Люся улыбнулась, заглянула мне в глаза, глупо похлопала ресницами, а потом как бы смущённо отвела взгляд. Она, что, со мной заигрывает?!

— А ваш муж меня не выгонит? — спросил я осторожно.

— Нет, он сейчас на севере, на Повхе. Мы разводимся, — ответила мне новая знакомая.

Зачем информировать мне, в каком именно вахтовом посёлке находится сейчас муж, если Люся всё равно с ним разводится, я не понял, и сделал вывод, что этого мужа, возможно, никогда и не существовало вовсе. Что ж, тем лучше! Люся симпатичная. И я ведь так и думал, что в СССР другие девушки, не эти эгоистки, что бросают меня сразу же, как только узнают, что безработный! При социализме-то совсем другое дело! Вон они тут как, сами кидаются! Везёт мне! В РФ секса не было, а в СССР, стало быть, будет...

Мы зашли в подъезд, и я галантно затащил коляску с раскричавшейся личинкой человека вверх ещё на один лестничный пролёт. Хотел тащить дальше, но Люся сказала:

— Нам дальше не надо! Спасибо большое, Сергей! Мы пришли!

— Здесь живёте, стало быть? — спросил я, глядя, как Людмила суёт ключ в замок квартиры № 16.

— Да. А вы где?

— В девятнадцатой. Над вами, — сказал я. — У Колобковых.

И тут мысль прошибла меня словно молния. Шестнадцатая квартира! Под нами! Да это же Людмила Васильевна, старая швабра, которая несколько раз вызывала милицию из-за того, что мы с матерью якобы шумные! Точно она! Нос ее. И черты те же самые. Только ещё не седая, не скрюченная и без своей любимой сумки-тележки. А этот вопящий в коляске кулёк — это Славка, разбойник, рецидивист, заключённый пожизненно в «Белого лебедя». Ёк-макарёк! Я планировал трахнуть старуху?!.. Или, если сейчас она вроде пока не старуха, то можно?.. Да блин!.. Я планировал трахнуть старуху — и всё ещё планирую это сделать...

— Ну, всего хорошего, Сергей, — сказала Люся. — Заходите!

— Непременно, — сказал я.

Васильевна скрылась в квартире.

А я пошёл дальше по лестнице, думая над нелёгким моральным выбором: можно ли вступать связь с красивой девушкой, если знаешь, что внутри неё скрывается ненавидимая тобою чокнутая бабулька?..

* * *

Из еды дома обнаружили макароны и рыбные консервы. Макароны я сварил, но они как-то слиплись и стали похожи на кашу — не очень-то аппетитно. Даже не знаю, было ли дело в недостаточности моих поварских навыков или во вредителе, прокравшемся на макаронную фабрику... В общем, мне пришлось довольствоваться сайрой и воспоминанием о батоне.

Главной проблемой тем вечером была скука. Я, конечно, разобрался, как включается телевизор и даже испытал некое умиление от дрожащей чёрно-белой картинки и «лампового» звука. Но уж больно передачи были скучными! По одной программе показывали что-то по надои и про центнеры с гектара, по второй шёл фильм про революцию. Смотреть этот фильм было трудно: во-первых, не сначала, во-вторых, большевики там были хорошими и русскими, что не совпадало с тем, как я обычно их видел. Правда, потом фильм закончился и пошли новости. Тут я воспрял духом: вот оно «время, вперёд», вот оно торжественное «здравствуйте, товарищи!», по которым я так тосковал! Дикторы были солидные, застёгнутые на все пуговицы, чем-то напоминающие школьных учителей. Это мне очень нравилось. Не какие-то там журналюги, а всё как положено!

Впрочем, вскоре снова стало скучно. Репортажи о визите генерального секретаря на компрессорный завод и о заседании Верховного совета точно соответствовали антуражу, где я оказался, но, если честно, не больно-то увлекали. Потом пошло про выборы в Монголии, про профсоюзы на Коста-Рике, про военное положение в Польше, про Саманту Смит какую-то... Про хохлов ни слова, кстати, не было. Неожиданно меня накрыла острая тоска по передачам, где бы обличали жидобандеровцев...

Ещё очень захотелось в Интернет и поиграть. Я с тоской подумал, что мой клан сейчас, наверно, в рейде, им там весело... Нет, я тоже, конечно, был рад, что я в СССР! Но было бы здорово, если бы мне, так сказать, разрешили смотреться домой ненадолго. Отдохнуть, за компом посидеть, поесть мамкиной жрачки, пельменей из магазина... А потом бы я, конечно же, вернулся! С новыми силами смог бы взяться за спасение СССР от его развала гомолиберастами! Уж со мной-то Союз не развалится, я не позволю! Костями лягу! Точно не

знаю, но что-то придумаю непременно! Будет как в гимне: «Союз нерушимый республик каких-то скрепила навеки великая Русь...»! Вроде, так... Хорошо бы сейчас на каком-нибудь форуме поговорить про Советский Союз, про товарища Сталина... С либероидами посратся, доказать им как жилось в Союзе классно... А ещё было бы здорово почитать какую-нибудь книгу про попаданца... Ну, знаете, отвлекаться от реальности!

Кстати, о книгах... Может, правда, что-то почитать, не так тоскливо будет? Я обшарил книжные полки. Литературы было немного, и почти все издания, которые попались, были мне уже знакомы: ведь они по-прежнему хранились у нас с матерью. Из нечитанного обнаружился разве что роман «Цемент» за авторством некоего Гладкова. Я начал читать, было, но не зашло: мужик там вернулся с Гражданской войны и так никуда и не попал: остался, как дурак, в своей эпохе.

После этого я совсем скис и решил, что утро вечера мудренее. Разложил диван, нашёл в шкафу скатанный ком из подушек, одеял и постельного белья. Подумал, что бельё с брачного ложа деда с бабкой хорошо бы поменять, но заленился... Залез так. Выключил свет, повернулся носом к ковру... В родной, но такой непривычной квартире воцарилась унылая тишина, прерываемая только зловещим тиканьем настенных часов, отсчитывающих чужое время. Блин, даже Ютубчик не включишь на сон-то грядущий!

Хорошо бы я проснулся снова дома... в своём времени... «Вконтакте» посмотрел бы, кто что пишет...

А если этого чуда не случится, пойду завтра заводить отношения с Людмилой Васильевной. Не могу ж я быть совсем один! Мне нужны союзники, товарищи. Соратники — Союз чтобы спасти... Ну, и баба, в общем, мне нужна.

На следующее утро я нарисовался у двери Людмилы, наряженный в лучшее из того, что нашёл у деда и с букетом маргариток, собранных на ближайшей клумбе.

— Ой! Это мне? Как приятно! — с деланным восторгом проговорила будущая мерзкая старуха. — Заходите, заходите!

Ночью я думал о том, как её соблазнить, и решил прибегнуть к той же тактике, которую использовал со своими предками: показать ей, что знаю её биографию. Кое-что из этой биографии я подчерпнул из рассказов матери, которую в эти детали посветили приподъездные бабульки. Например, что никакого мужа у Людмилы никогда не было, а Славика она прижила от женатого инженера с приборостроительного завода.

— Чайку? — спросила Люда.

Я, конечно, был не против. Слопать что-нибудь из предлагавшегося к чаю было одной из целей моего визита. Не прогадал: у Людмилы нашлись пирожки с луком-яйцами. Не так вкусно, как у мамки, но сгодится.

— Спасибо, Людмила Васильевна, — бросил я вроде как невзначай.

— Ой! А откуда вы знаете, как я по отчеству? Что ли кто-то из соседей рассказал? — смутилась Люда. — Вроде я еще не старая, по отчеству-то...

— Нет, я здесь ещё недавно, и с соседями пока не познакомился, — сказал я со значением. — Тем не менее, знаю кое-что о вас и вашем мире... Да-да, не удивляйтесь! Я сказал «о вашем мире», так как прибыл из другого. Дело в том, что я пришёл из будущего.

Людмила Васильевна вылупилась на меня, как советское ПВО на сбивтый южнокорейский «Боинг».

— Из XXI века, — поспешил пояснить я. А потом быстрее добавил, пока Люда не решила вызвать психовозку или «скорую»: — Там меня снабдили информацией о вас.

— Это... какой же?

— Например, о том, что вы невинно пострадали из-за беспринципности одного так называемого инженера, который собирался развестись, но так и не решился это сделать...

Люда ахнула.

— ... Или о том, что на швейной фабрике, где вы работаете, у вас много конфликтов с коллегами. И поэтому после декрета вы бы хотели устроиться в место получше, желательно — продавцом.

Чтение мыслей произвело на мою собеседницу неизгладимое впечатление. Если остальное я мог знать из местных сплетен, про мечту работать в магазине она, видно, никому ещё не говорила. Но, похоже, что мечта уже была, я не ошибся. Просто знал, что большую часть жизни, начиная с Перестройки, она действительно проработает в гастрономе.

— А Славочки хилый родился, обвитие было, да? Вы не волнуйтесь. Это не мешает ему добиться успеха в будущем, стать авторитетом...

Слово «криминальным» я отбросил. При Андропове у слова «авторитет» ещё не было того особенного значения, которое приобрело оно в 90-е. В общем, я не соврал, просто правду не всю рассказал.

— Я не понимаю... Что вам нужно? — прошептала ошарашенная Люда.

— Не пугайтесь, Людмила Васильевна. Я пришёл с миром. Дело в том, что мы, люди 2022 года, выбрали вас как мою соратницу для спасения СССР.

— Для спасения? От ядерной войны, что ль?

Фу-ты, ну-ты! Что они все как один заладили про эту ядерную войну?! Не могут понять, где опасность-то настоящая скрыта!

— От развала, Людмила Васильевна.

— А... — сказала та, как будто с облегчением.

Должного ужаса в ее голосе я почему-то не услышал.

Потом я быстренько поведал ей о том, к какому кошмару пришёл мир в 2022 году: НАТО расширяется на восток, бабы разгуливают с надувными сиськами, молодёжь на «Доме-2» сношается прямо под телекамерами, каждый второй — гомосек... Я слегка преувеличил, разумеется. Но это для надёжности. Чтобы Люда быстрее прониклась. А прс сорта колбасы, помня опыт со своими близкими, решил умолчать. Про шмотки, торговые центры и Интернетик тоже решил рассказать как-нибудь в другой раз. Зато добавил, что ни дружбы, ни любви уж не осталось, потому что все кругом меняют пол и черномазые.

— Это как же так вышло-то? — Людмила Васильевна изумилась.

— А всему виною Мишка Меченый. Слыхали про такого? Нет? Короче, Горбачёв. С пятном на лбу.

— Горбачёв? Михаил? Это член Политбюро который, что ли? Я его в новостях вчера видела...

— Этот самый. Скоро власть захватит. И пойдёт под откос всё тогда! Еда из магазинов пропадёт, подорожает всё! Водка будет по талонам! Республики нас слушать перестанут и отвалятся. А Россия ляжет под Америку!

— Водка по талонам?! — поразила собеседница.

— Ага, — сказал я. И раз уж её так это цепляет, то добавил: — Горбач пить вообще запретит. Виноградники вырубят.

Людмила недоверчиво взглянула на меня. Потом спросила:

— И скоро ли всё это будет?

— Два года осталось. Два года у нас есть, Людмила Васильевна, чтобы не дать Горбачёву страну уничтожить! Мы с вами для подвига избраны. Если не справимся — будет ваш сын жить опять при буржуях. Разбойником станет...

Разбойничья доля сына как-то не очень задела Людмилу Васильевну. То ли она не поверила мне, то ли с уважением относилась к Робингудам, то ли просто была перегружена информацией. Я решил пожалеть её и перешёл на нейтральные темы. Попросил ещё чайку, налопался пирожков под завязку, похвалил её причёску и глаза. В общем, мне показалось, что дело пошло.

Наконец, в комнате заплакал ребёнок.

— Ой, Славик проснулся! — сказала Людмила Васильевна. — Вы извините, мне тут покормить его надо. И обдумать то, что вы сказали...

— Конечно, конечно, — я встал.

— Вы ещё заходите. Всегда буду рада.

Я решил, что это проявление симпатии и попытался Людмила поцеловать. Она увернулась, и поцелуй пришёлся на щёку. Ну что ж, и то неплохо. Мы простились.

Дома я завалился на диван и стал обдумывать свои дальнейшие действия по спасению СССР. Ничего надумать не успел: минут через двадцать мне в дверь позвонили.

— Откройте, милиция!

Ладно, открыл.

На пороге была парочка ментов и сзади Люда.

— Этот? — спросил у соседки блюститель порядка.

— Он самый. Члена Политбюро поносил, пытался подбить на антисоветские действия...

— Что же вы творите, гражданин? — вздохнул мент. — Собирайтесь, пройдемте-ка с нами...

Пока меня вели в ментовку, я пытался объяснить, что произошла чудовищная ошибка.

— Товарищи милиционеры! Эта Людка наизнанку вам всё вывернула! Ни на какие антисоветские действия я её не подбивал! Да такого патриота СССР, как я, ещё поискать-то! А она просто злыдня, людей ненавидит! Вечно злится на шум, а я, что, виноват, что тут слышно всё?! Дом так построен! Пусть ковёр на потолок повесит! Я причём?

— Не волнуйтесь, гражданин, разберемся, — ответил один из милиционеров.

По его интонации ощущалось, что не больно-то он мне поверил. Смотрит так, будто я его классовый враг... И наверное, про звукоизоляцию напрасно я сказал: это могут расценить как очернение советского домостроения...

— А вообще-то дом у нас хороший. Дом отличный. Только при советской власти такие дома могут строиться! Это очевидное достижение партии и правительства! — поправился я.

— Хорош изгаляться, — холодно отозвался сопровождающий.

Я загрустил пуще прежнего. Но всё же решил не сдаваться. Как-никак, моя деятельность это единственный шанс для СССР! Если посадят меня за антисоветскую агитацию, кто ж тогда Горбачёва и Ельцина остановит? Нет уж, буду я сражаться до последнего!

— Вообще-то, товарищи милиционеры, я Людмилу не против советской власти агитировал, а как раз даже за неё! Эта дура ничего не поняла! Я сказал ей, что спасти Союз нам надо! Предлагал спасти вместе, а она по скудоумию своему всё извратила...

— От кого его спасти-то? — обронил один из милиционеров.

— От внутренних врагов, продавшихся Западу! — выпалил я, не задумываясь.

— Каких врагов? Буржуев? Кулаков? Дворян? Кадетов? — спросил мент насмешливо. — Ты с какого дуба рухнул, дядя? У нас социализм еще при Сталине построили. А теперь он развитой — слышал такое? Нет врагов, все советские люди!

— Сто процентов партию поддерживают! — Добавил второй то ли в шутку, а то ли всерьёз. — Все, ёпта, в едином порыве!

— Вы просто не знаете, что в высокие кабинеты уже прокрались изменники, — буркнул я.

— Вот это и есть очернение советской действительности.

— За такие разговоры ты и сядешь.

* * *

В отделении я вновь увидел Рогожкина. Я его узнал, он меня — тоже.

— Колобков?! Снова вы?

— Я.

— Что он натворил?

— Соседка утверждает, что пытался разводить антисоветскую агитацию.

— Абсурд! — Вставил я. — Я не вставил ей, поэтому и бесится!

— Помолчите, Колобков, — сказал Рогожкин.

— Да его, блин, не унять! Такой болтливый! — Сообщил один из милиционеров. — Всю дорогу строил из себя шута горохового! Рассказывал, какой он патриот и как ему якобы надо

спасти от кого-то там СССР.

Рогожкин нахмурился:

— У меня вчера он эту же комедию ломал. Полчаса придурился вместо того, чтоб по-человечески сообщить место работы и то, что он не на смене. Что вы вытворяете, Колобков? Специально в тюрьму сесть хотите?

— Никак нет.

— «Никак нет»! А что тогда? Пытаетесь отвлечь силы милиции, чтобы помешать ей заниматься настоящими преступниками?

— Нет, и в мыслях не имел!.. Товарищ милиционер! Это не я вас от работы отвлекаю, а Людка! Ну, та, что ноль-два позвонила! Я с ней просто о жизни болтал, а она что надумала! Говорю ей: о Родине надо заботиться! Мало ли, случиться-то что может! Вдруг враги какие вылезут! А она, овца, решила, будто я Политбюро хочу обидеть... Да я за Политбюро жопу порву, кому хочешь!..

Сзади послышался резкий короткий смешок.

— Кто наряд вызвал? — спросил Рогожкин.

— Слесарёва. Дом семнадцать по улице Софьи Перовской.

— Ясно всё. Эта дамочка стабильно вызывает нас четыре-пять раз в год. Полоумная тётка! То соседи там ребёнку спать мешают, то бабки у подъезда её якобы убить хотят...

— Да, я тоже её помню, — сообщил один из тех, что привели меня. — Прошлый раз, как приезжал к ней, она клинья подбивала. Говорила, одиноко ей живётся...

— Может, ей просто нравится видеть у себя дома мужчин в форме? — Улыбнулся второй.

Я немного расстроился: Васильевна, выходит, ко всем клеилась. А я-то подумал... Блин, мозги надо было включить, притом, сразу! Если он в старости обожает звать ментов по поводу и без, то почему бы ей не быть такой и в молодости?! Дурень я тупой!

— Ладно, — заключил Рогожкин. — Получается, одна умалишённая жалуется на другого себе под стать... Я с этим бредом возиться не буду! Напишите, что вызов был ложный.

— Но антисоветская агитация... — Начал один из милиционеров. — Этим, наверно, должно КГБ заниматься...

— Вот пусть и занимаются. Пускай ловят этого придурка, я не против! Они в нас, милиционерах, врагов видят. А я, что, им помогать буду? Пускай сами свой план выполняют! А мне не до этого, знаешь ли. У меня у тёщи нынче день рождения — так я ей подарок ещё не купил. А ты мне — «КГБ»...

Я спросил:

— Так я могу идти?

— А вы, гражданин Коробков, радоваться-то не спешите, — переключился на меня Рогожкин. — Я к вам на работу позвоню. Помню, что вы с «Красного компрессора». Загадка, конечно, как такого клоуна начальником цеха могли назначить... Ну да ладно. Пусть вас коллектив перевоспитывает.

— Понятно, — сказал я, скрывая радость о того, что коллектив завода, где я всё равно не собирался работать, подумает плохо про деда-предателя. — Буду исправляться под чутким руководством трудовых товарищей... А идти-то всё же можно?

— Только скажите сначала: зачем вы всё это устроили? Только вот честно. К чему этот цирк про спасение Союза и про машину времени?

Я хотел ещё раз сказать правду, но не стал. Всё равно не поверит! Моему делу менты не помощники, так что убеждать их бесполезно. Главное — скорей свалить отсюда.

— Я тренируюсь для поступления в эстрадно-цирковое училище, — ляпнул я. — Простите, товарищи, за беспокойство. Я так репетировал.

— Ясно, — ответил Рогожкин. — Я так и подумал.

Возвращаясь домой из милиции, я рассудил, что рассказывать всем подряд о своём времени и о своей задаче, в самом деле, ни к чему. Не воспринимает всерьёз обыватель моих предостережений! Наслаждается стабильностью и думает, что это будет вечно. А Горбачёва ругать тут нельзя, получается... Он, видите ли, член Политбюро! Фу-ты, ну-ты, шишка важная какая! Вот при Сталине и членов Политбюро расстреливали запросто, если выяснялось, что они враги народа. А теперь размякли, подобрили — вот и не заметили, как гидра империализма пробралась в самое сердце нашей Родины! Не дорабатываешь, товарищ Андропов!..

... Кстати, может, написать ему письмо? Попросить расстрелять Горбачёва и Ельцина. Вскрыть проблемы, распахнуть ему глаза... Хотя, конечно, снова могут обозвать меня сумасшедшим, а то и осудить за оговор больших чиновников... Ещё и очернение реальности припишут... Да и всё равно — Андропов не жилец. Эх, знал бы я, что жизнь так повернётся, научился б на врача, небось, бы спас его!.. С другой стороны, стоящего одной ногой в могиле вождя самое время предупредить насчёт выбора и подготовки наследника...

Рассуждая над этой темой и пока не придя ни к какому решению, я набрёл на книжный магазин. Ух, надо же, я и забыл, что он был тут! В 90-е это торговое помещение прихватизирует тип с глупой фамилией Кофтёнкин. Хотя подозреваю, не Кофтёнкин он даже, а какой-нибудь Кофтёнкиндт или Кофтёнкер. Или даже Кофтенштейн... Вместо книг он начнет продавать видеокассеты и видеомагнитофоны. А потом ещё и телеки, бумбоксы, магнитолы... Называться его лавка станет многозначительным и псевдоиностранным буквосочетанием «КОФФ».

Помню, мы с друзьями заходили после школы в этот КОФФ, чтобы посмотреть на голых женщин на обложках порнофильмовых кассет. Хозяина магазина такое вот развращение малолетних несколько не беспокоило. Кстати, не исключено, что именно из-за этого торгаша и я увлёкся подобными фильмами. В дальнейшем их просмотр так мешал мне учиться в техникуме, что пришлось отчислиться с третьего курса. А из-за поисков видео в интернете со служебного компа меня со скандалом уволили с одной из работ. Вот так капитализм ломает судьбы! Но Кофтёнкину, конечно, до всего этого дела не было! На таких, как я, он наживался. Вырастил из магазинчика целую сеть, обвесил весь город её рекламой самого похабного свойства. Потом, кстати, даже в мэры баллотировался. Наливал у избирательных участков стакан водки каждому, кто будет за него голосовать. Не избрался, но зато поураганил. В нулевые он переключился на торговлю телефонами, а в десятые скрылся из виду. Надеюсь, что сдох, спекулянт!

Вот такую историю вспомнил я, заходя в храм словесности. Было немного странно находиться внутри этого магазина и в то же время знать, что он уже не существует... Впрочем, раз в этой реальности он ещё есть, хорошо бы купить себе что-нибудь почитать, чтобы было не так грустно этим вечером.

Магазин напомнил мне АТ: на самых заметных местах здесь тоже располагалось чтиво, совершенно недостойное моего внимания: «Введение в комбинаторные методы в дискретной математике», «Доменные стенки в материалах с цилиндрическими магнитными доменами», «Волны в пьезокристаллах», «Эстетика раннего немецкого романтизма», «Дорогами колхозников Бурятии»... Любопытной показалась только книга «Грязная работа

ЦРУ в западной Европе», стоявшая между хрестоматией по утопическому социализму и материалами XXV съезда КПСС. Впрочем, полистав, я отложил её: как-то скучно всё-таки написано.

Все интересные книги, в которых писали про приключения, оказались только за макулатуру: за 1 том развлечения её требовалось сдать 20 кг.

От огорчения я пошёл в отдел открыток, где рассматривал их долго, будто выставку в музее. Потом поглядел на плакаты. Один себе выбрал. Там был нарисован мужик в веере колосьев и написано: «Механизация, химизация, мелиорация». Повешу на над диваном, решил я. Внесу личную нотку в дедко-бабкин интерьер.

На кассе мне предложил сыграть в лотерею. Я согласился и выиграл рубль. Деньгами этот рубль не выдавали, только книгой: можно было взять «Малую землю» или сборник стихов Николаса Гильена. Я выбрал последнее.

* * *

Теперь надо было запастись продовольствием, пока гастроном опять не закрылся. Я подошёл к магазину, где так и не успел отовариться вчера, и обомлел: он был весь забит народом, так, что очередь высовывалась на улицу и заканчивалась под роскошной корзиной фруктов, нарисованной снаружи на окне. Из разговоров стало ясно, что в продажу выкинули сырокопчёную колбасу.

Колбаски, конечно, хотелось. Я встал в очередь, но быстро стал беситься: ощущение было, что она вообще не движется. Уже думал плюнуть на всё и уйти, как увидел двоих человек, горделиво несущих каких-то палки в жёлтой бумаге:.

— Товарищи! В соседнем гастрономе тоже есть! — оповестили они нас, ещё ожидающих возможности переступить порог магазина. — Там без очереди!

Я вместе с парой десятков товарищей ринулся в этот соседний. Пешком до него было минут десять. Добежали мы за пять. Но не успели.

— Сырокопчёная колбаса закончилась, — глядя на нас сверху вниз, сообщила пышная рыжая продавщица с огромным бюстом. — Берите варёную.

Варёную не то, чтоб не хотелось. Я готов был съесть любую: во-первых, обедать пора уже было, а, во-вторых, это всё же родное, советское! Настоящее, без химии какой-нибудь! Уверен, что если бы у меня была возможность водить в андроповскую эпоху экскурсии, то нашлось бы немало желающих съездить сюда, чтоб покушать советской еды. Вот только обидно уж очень: стоял, потом бегал — и всё это зря оказалось.

Я присел на лавочку около магазина — передохнуть и обдумать план действий. Пролистал книжку Гильена: дрянь какая-то! Надо было брать «Малую землю». Хотя Гильен в твёрдой обложке и толще — из него макулатуры больше выйдет. Грамм на 200 потянет, наверно...

Тут я краем глаза вдруг заметил, как из магазина снова потянулись довольные люди с палками колбасы, завернутыми в бумагу. Я вскочил.

— Товарищ! Извините! Это, что, сырокопчёная? Мне там только что сказали, что закончилась.

— Продавцы её знакомым отложили, — доложил мне обыватель. — Но мы на них насели вдесятером! Заставили достать из-под прилавка. И народу отпустить!

— Вот же сволочи!..

Я ринулся обратно в гастроном.

Всё та же рыжая с бюстом, едва лишь заметив меня на пороге, оповестила:

— Гражданин, сырокопчёная закончилась!

— Как закончилась? Только сейчас продавали! Я видел! Вы её знакомым отложили подлым образом!

— Вот та, которую отложили, тоже уже закончилась, — невозмутимо ответила продавщица. — Она, что, ждать вас будет? Вон, варёную возьмите.

— А вы мне не указывайте, какую брать! — сорвался я. — Вредители проклятые! Колбасу от народа скрываете, вот он потом и готов из-за этого всё на неё променять! Сталина на вас нету! Он бы живо таких расстрелял! И порядок навёл бы!

С этими словами я поспешно ретировался из магазина, не дожидаясь развития перебранки или, того хуже, драки.

Ладно, зайду снова в хлебный, кирпичик возьму себе. Вроде, дома ещё сайра оставалась...

Когда я заходил в свой подъезд, одна бабка на лавочке пробурчала:

— Ишь, вернулся уже! Агитатор-антисоветчик...

Ну, отлично. Людмила Васильевна не только сдала меня ментам, но еще разболтала об этом событии на весь подъезд. Теперь со мной знаться никто не захочет... Хотя наплевать! Может, я и сам-то с ними знаться не желаю! Вот уеду в Москву, а они тут пускай остаются! Всё равно ведь, если Родину спасать, то из Москвы, а?

Я всё ещё был на эмоциях после истории с колбасой и продолжал мысленный спор с грудастой продавщицей. Вообще, когда я на эмоциях, то всегда вспоминаю товарища Сталина. Это успокаивает как-то. Вообще думаю, если бы я попал в сталинские времена, а не в эти, то дела бы шли намного лучше. Настроил, куда надо, — и дело сделано!

Проходя мимо квартиры Люды, я представил, как туда звонят чекисты в галифе и подпоясанных рубахах. А снаружи их ждёт чёрный воронок! А в нём — продавщица и бабка вот эта! Сидят на цепи. И рыдают.

Вот так им!

От мечтаний сразу стало веселее.

* * *

Дома я взялся за поиски макулатуры. План спасения Союза ещё не был ясен, а вот устраивать свой быт здесь надо было уже сейчас. Попаданцы ведь всегда так: первые три-пять томов надо, чтобы освоиться в новом мире. А потом уж, с шестого-седьмого, за дело берутся. В общем, так как прошлым вечером я сильно тосковал, мне нужно чтиво. А для его получения, в свою очередь, нужно всяких бумажек набрать... Что ж, поищем!

Через час на диване образовалась изрядная куча того, чему было назначено сдаться в макулатуру. Были там и батины тетрадки, и бабушкины записи рецептов, и схемы какие-то (думаю, дедовы) — моя маленькая месть им всем за то, что убежали в моё время и закрыли мою дверку. Туда же пошли старые газеты, найденные на балконе: то ли в них хотели что-то завернуть, то ли тоже сдать планировали. Ещё я подумал прибавить к макулатуре некоторые книжки — неплохие, но уже прочитанные мною. Не стал. Забоялся создать временной парадокс. Ведь если я сдам их сейчас, то потом, в XXI веке, уже ведь не прочитаю? Тогда в лучшем случае я абсолютно забуду их содержание. А в худшем... Не знаю. Не хочется проверять.

Потом я начал рыться по шкафам и там наткнулся на кипу ещё каких-то бумажек. Пригляделся — это письма старые! Я вспомнил, что у бабушки действительно лежала куча писем, сохранившихся чуть ли не с прошлого века. Я маленький хотел их почитать, но мне не дали. Потом я подрос, запрещать стало некому, но эти письма больше не попадались мне на глаза, и интерес к ним угас. А теперь...

Я развернул одно из писем и прочёл: *«Здравствуй, Маруся! У меня всё хорошо. Вова, Сима и Таня здоровы...»*

Тут чтение прервал звонок в дверь.

Капец! Это снова, наверно, менты! По-любому, какая-то бабка сказала им, что убежал

из-под стражи опасный антисоветчик! Сейчас опять к Рожкову поведут. И тогда уже точно посадят...

— Кто там? — спросил я.

— Здравствуйте, я ваш сосед с пятого этажа, — отозвались из-за двери. — Пришёл знакомиться.

В голове сразу включилась заставка из передачи «Криминальная Россия». Открывать или нет? Страшновато. Хотя... Мосгаз уже расстрелян, Чикатило пока что не начал, а для Фишера я слишком старый. Ну, и потом, в советское время все были дружные, соседи общались, бандиты по улицам не ходили...

В общем, я уговорил себя открыть.

На пороге стоял человек примерно моего возраста или чуть моложе. Клетчатая рубашка с коротким рукавом, штаны как от костюма, самые дешёвые тряпичные кеды; причёска а-ля Тынис Мяги, комплекция — тоже; очки на носу. В общем, среднестатистический товарищ.

— Инсаров Константин, — он подал руку.

— Сергей Коробков, — я пожал.

— Сергей, я хочу вам высказать своё восхищение и солидарность! — Огорошил меня сосед (ну, если он и правда мой сосед был).

— Чего?!

— Солидарность. Весь подъезд гудит о том, как вы безвинно пострадали от неадекватных действий Людмилы. Она очень, так сказать, своеобразная. Тут всем это известно. Но вы, видимо, не знали...

— Да. Не знал, — ответил я.

Смотри-ка ты! Не зря всё ж говорят, что в 80-е люди были добрее и дружелюбней, чем в наше время! Вот, всё сходится. Советский человек — дружить пришёл! А я уж думал, грешным делом, разочароваться после опытов с Людмилой и с колбасой!

— Вы тут, кажется, недавно?

— Да... Брат с семьёй вот уехали... временно... А меня пока пожить сюда пустили.

— Коля — ваш брат? Ну, конечно! Ведь вы же похожи, — отметил Инсаров. — Послушайте, Сергей, я что хотел-то: я горжусь знакомством с Вами! Отрадно сознавать, что в нашем подъезде наконец-то появился человек, который адекватно смотрит на нынешнюю реальность! И понимает её перспективы. Да не только понимает! Ещё и пытается действовать ради спасения Родины!

Я от неожиданности варежку разинул. Он гордится?! Ну, конечно, мной гордиться надо! Конечно, я знаю, что будет, и буду бороться за нашу великую Родину! Но неужели это кто-то оценил?! Неужели надо мной здесь не смеются, а впервые выказывают подобающее прищельцу из будущего уважение?!

Я, конечно, был безумно счастлив. Но однако же решил не торопиться раскрывать Константину все свои карты: с Людмилой обжётся, всё, хватит. Надо быть осторожным, давать обтекаемые фразы! А то вдруг сейчас окажется, что он лишь посмеяться собирался. Сейчас прямо сообщу, что я из будущего, и опять, поди, услышу, что я клоун...

— Спасибо, товарищ, за доброе слово, — ответил я чинно. — А положение страны действительно вызывает некоторые опасения.

— Не то слово! — Сказал Константин. — За страну мне просто страшно, если честно. И чем дальше, тем страшнее. Удивительно при этом, что большинство граждан совершенно не ощущают проблем! Они думают, всё хорошо! У них есть кусок хлеба — и они считают, что

беспокоиться больше не над чем. Но когда они очнутся, будет поздно!

— Точно, точно! — Я с трудом скрывал восторг от встречи с единомышленником. — Люди думают, что если какая-нибудь морда заседает в Политбюро, то ей надо верить безоговорочно! А ведь достаточно совсем небольшой кучки негодяев, чтобы причинить непоправимый вред стране и всему народу!

— Не говорите! Эти негодяи так любят прикрываться разговорами о демократии! А на деле они желают, чтоб всё работало только в их собственных интересах!

— Да я их, подонков, насквозь вижу! — Выдал я. — Если б мог бы — сам бы задушил бы!

Тут я осёкся, поняв, что опять сболтнул лишнего. Но Инсаров не помчался звать милицию, а только улыбнулся на эту фразу:

— Понимаю ваши чувства. Сам так чувствую. Но сейчас не 37-й год...

— Да, — сказал я.

Увы! Угодить в 1937-й было бы, пожалуй, веселей и интересней. Я бы там нашёл себе работу... Ух, какую!

— Андропов, кажется, пытается, вернуть нечто в этом роде, — заметил я.

— У него не выйдет. Сердцем чую! — отозвался Константин. — Если честно, мне вообще кажется, что всему эту осталось не так уж долго.

— Костя! Вы чертовски правы! — сказал я.

После этого мы перешли на ты и договорились общаться. Инсаров сказал, что завтра у него соберутся гости — хорошие, умные люди — и он бы хотел, чтобы я присоединился к их компании. Я, конечно, согласился. Потом спросил, нет ли у Константина лишних газет, и он по-дружески пообещал мне дать коробку из-под обуви.

Я был счастлив. Всё же верно говорили, что народ в СССР был не чета нашим ограниченным россиянам. Доброта, взаимовыручка — всё это не пустые звуки были! Вот при капитализме у меня друзей не было, а при социализме два дня пожил — и вот, появились!

* * *

Попрощавшись с Инсаровым, я вернулся к изысканию макулатуры, то, точнее, к переборке старых писем. Где там то послание, которое я начал изучать?.. А, вот оно!

«Здравствуй, Маруся! У меня всё хорошо. Вова, Сима и Таня здоровы. Тётя Ель прислала из Рязска ведро огурцов, и мы их засолили. Толечке уже лучше, хотя всё еще ходит на костылях. А как твоё здоровье? Мы были рады узнать, что ты выходишь замуж. Напиши, пожалуйста, кем работает твой Коля и какое у него образование, потому что дядя Вася интересуется. Ещё напиши, пожалуйста, партийный ли Коля и какое у него социальное происхождение. Знает ли он, что твоего деда в 37 году расстреляли и как к этому относится?...»

Мой прапрадед был расстрелян?! Что за чушь?! У нас в семье не было никаких изменников Родины! Это что ж, я ЧСИР какой-то, что ли? Да ну нафиг... Подделка, наверно... Либеоиды при Хрущёве сочинили эту ересь... Такое вообще только школьницы в пасквилях гнусных своих могут выдумать! Тьфу!

Очернители вонючие!

В общем, надо как-то в этом разобраться...

Из-за сообщения про расстрелянного предка я так огорчился, что кинул все письма в мешок для макулатуры. Никуда не пошёл в этот день больше. Сел перед телеком и тосковал. Посмотрел «Сельский час». Потом встречу «Встречу учащихся ПТУ союзных республик» Потом программу «Радуга», где показывали народные танцы Мозамбика. Потом концерт «по вашим заявкам» к 50-летию Уралмаша. Повторял себе, что это телевидение — честнее и душевнее, чем наше. Всё ждал, когда торкнет. Не торкнуло...

Не понимаю, ну просто ума не приложу, как моего прапрадеда могли расстрелять в мой любимый год?.. Ведь всем известно, что тогда расстреливали только предателей и безродных космополитов! Страна очищалась от шлака перед войной... Каким образом это могло коснуться нашей семьи? У нас в роду никогда не было ни либерды, ни диссидентствующих интеллигентов, ни рабиновичей... Может быть, товарища Ежова обманули и состряпали лживое дело на честного коммуниста?.. Что же Сталин тогда не вмешался? Он же должен был ошибку-то исправить... Хотя, может быть, Ежова как раз за это и расстреляли — что облыжно обвинил моего прадеда?..

Впрочем, может быть, письмо поддельное. Не знаю, зачем, но американские шпионы могли специально его сочинить, чтобы возвести напраслину на доблестных чекистов и коммунистов... Надо мне разоблачить эту подделку... Только как?

Так и не надумав ничего, я решил спать. Телевещание уже прекратилось, а засыпать в тишине, без Ютубчика, я отучился. Пришлось завести грампластинку со сказкой «Приключения Чиполлино».

Кстати, я терпеть не могу овощи. Однако же история о том, как они, подстрекаемые иноземной флорой, пытаются устраивать цветную революцию и нарушить стабильность законного принца Лимона, меня усыпила. Снилось мне потом игра «Фрукт ниндзя»: в ней я мечом рассекал кидающиеся на меня либератические луковицы и довольно похохатывал.

***

Утром меня разбудил телефонный звонок. Не успев со сна подумать, стоит ли мне вообще отвечать, или притвориться, что дома никого нет, я снял трубку:

— Алло!

— Николай Иванович! Вы что там? Опять пьёте? Стыд какой! — напал на меня незнакомец на том конце провода.

— Я не Николай Иванович, — буркнул я.

— Ну здравствуйте! — ответил незнакомец. — До того допились, что и имя своё уж забыли!

— Не забыл я ничего. И я не пью.

— Ну да, конечно! А про то, как вас в милицию забирали-то хоть помните? Два привода за два дня! И это начальник цеха.

— Первый привод был вообще ни за что, — сказал я. Тут же понял, что опять не то сказал. — И второй, в общем, тоже!

— Ага, значит, всё-таки помните, кто вы такой! — почему-то сделали вывод на том конце.

— Конечно, помню. Я не Николай, я его брат Сергей, — сказал я.

— Не несите чепухи! Вы знаете, что выговор вам уже подготовлен? А на парткоме в

понедельник будем решать, стоит ли оставлять вас в должности начальника цеха и вообще на нашем заводе. Где это видано: прогулы, пьянство, нарушение общественного порядка?..

— Да решайте на здоровье! — рявкнул я и бросил трубку.

Если дед когда-нибудь вернётся в это время, наказание ему будет за дезертирство. Придёт на работу — а он уже там не работает! Или понижен до подметальщика цеха. Надеюсь, он однажды пожалеет, что сбежал в мою эпоху и захлопнул мою дверь.

Я встал, умылся, прополоскал рот. Пора уже завести свою зубную щётку в этом времени... Пошёл на кухню, нашёл манку, сварил кашу. Получилась с комками, но мне это даже понравилось: такую давали нам в детском саду в Перестройку...

После завтрака я вспомнил, что сегодня иду в гости к Константину и знакомлюсь с новыми хорошими людьми. Скорее всего, у меня появятся дополнительные друзья и единомышленники. Может, даже девушка появится! Поскольку у Константина такие же взгляды на жизнь, как у меня, есть основания предполагать, что, если среди его друзей будут лица женского пола, то тоже с правильным мировоззрением! Я так вдохновился этой мыслью, что, не откладывая, сбежал в магазин и купил щётку с натуральной серо-бежевой щетиной, пасту «Лесная», бритву и одеколон «Крымская роза». Короче говоря, прихорошился.

Потом пришло в голову, что идти в гости к Константину с пустыми руками будет как-то некультурно. Я решил подготовить подарок: перечень планов спасения СССР. Нашёл бумагу, ручку, сел... И вот что вышло:

Способ 1. Самый очевидный.

Написать письмо Андропову с предупреждением об опасности и советом убрать Горбачёва и Ельцина. Одного письма, скорей всего, не хватит. Так что надо будет написать ещё Черненко, Суслову, Устинову... Зайкову, Слюнькову и Воротникову обязательно тоже... Крючкову, Янаеву, Язову — они же как раз за Союз все боролись потом! В КГБ, в обком, в горком... Короче, везде написать. Кто-нибудь да отреагирует!

Способ 2. Привлечь общественность. Включает:

1. Написать во все газеты, что злодеи, маскирующиеся под верных ленинцев, планируют развалить Союз и продать остатки гомолиберастам.

2. Звонить на передачи, куда можно позвонить. На телек, на радио, на всякие концерты «по заявкам». Говорить там то же самое! Народ предупредить и обеспокоить.

3. Написать гениальную книгу о будущем. Издать её, прославиться. После получения всесоюзного признания призвать к предотвращению ужасного пророчества.

Пока я не писал книг, но думаю, что вполне смогу справиться с этой задачей. Думаю, что это будет роман про попаданца в 2022 год. Поскольку здесь никто еще не знаком с этим восхитительным и потрясающим воображение жанром, скорее всего, он зайдёт на ура. Надо просто взять понемногу из всех моих любимых сочинений: «Имперский космолёт Иосиф Сталин», «Укладчик баб в СССР», «Нагибатор-7. Первая кровь», «Эльф на стройка пятилетки» и «Натуралы наносят ответный удар». Вообще, мне давно уж пора было стать сочинителем. Откладывал, откладывал — и вот. Тянуть некуда больше. Длинна история Советского Союза, а отступать некуда — впереди Перестройка... Надо только добыть пишмашинку и связи в издательстве.

Способ 3. Органичный, но долгий.

Вступить в партию и сделать там блестящую карьеру. Пробриться на съезд и там выступить. Прийти к власти и править как следует...

Это, конечно, небыстрый способ. Но перед советским человеком ведь открыты все дороги, разве нет? А если нас будет несколько, мы сможем сформировать внутривнутрипартийную коалицию и помогать друг другу. Так что есть шанс, что хоть кто-то из нас за два года долезет до верха...

Способ 4. Опасный, но героический.

Убить Горбачёва и Ельцина. Как их достать? Например, можно выстрелить в Горбачёва из окна ГУМа во время парада на Красной площади. Ельцина наверняка можно будет подкараулить во время аналогичного мероприятия на главной площади Свердловска.

Впрочем, есть другой метод, более простой и соответствующий духу времени. В аэропортах пока еще не шмонают пассажиров с ног до головы, на вокзалах — тем более. Так что можно захватить самолёт или автобус. Когда власти начнут переговоры с нами, мы потребуем, чтобы на них лично явились Горбачёв и Ельцин. Они явятся — тут-то мы их и застрелим. Правда, нас после этого наверняка расстреляют или дадут пожизненное... Но можно будет умереть с лёгким сердцем: СССР сохранится.

Способ 5. Самый верный и самый крутой. Нужно развязать атомную войну и уничтожить в ней США.

Насчёт того, как это можно сделать, у меня имелась хитрая и весьма оригинальная задумка, основанная на знании дальнейших событий. Незадолго до того, как оказался здесь, я прочёл про офицера по имени Станислав Петров, который в сентябре 1983 года получил сигнал о запуске американской ракеты с ядерной боеголовкой, но не передал его, куда положено, для ответных действий, а перепроверил. Оказалось, сигнал был ошибочный. В общем этот Петров, мать его, помешал нам уничтожить Пиндостан. А как бы было круто жажнуть разик!

Итак, сейчас лето. До «подвига» Петрова остаётся несколько месяцев. Если найти его до этого и ликвидировать, никто не помешает красному возмездию совершиться!

После того, как по Вашингтону будет нанесён ядерный удар, гнездо либерастии будет разорено, и никто уж не будет спонсировать всяких диссидентов. Внутренний враг лишится печенок и грантов, будет обескровлен и повержен: ведь известно, что так называемые либералы могут быть недовольны советской властью лишь по указке Запада, а ни в коем случае не сами по себе.

* * *

Список был уже почти готов, когда в доме опять зазвучал телефонный звонок. Я решил не отвечать и затаился. Но без толку: телефон не умолкал, и неизвестный мне зануда на том конце провода перезванивал снова и снова. Наконец, я снял трубку.

— Алло!

— Здравствуйте! Можно Марию Петровну? С ней всё хорошо? Почему она сегодня не пришла на свою лекцию.

— Она умерла, — ляпнул я.

На том конце, похоже растерялись и замешкались. Наверное, нехорошо с моей стороны было говорить про живого человека, что он умер... С другой стороны, в моей-то, XXI века реальности, она в самом деле уже умерла. Так что честно всё.

— Ох, горе-то какое! Соболезную!

— Спасибо.

— А похороны скоро будут?

— Завтра, — брякнул я и бросил трубку.

Вот пристали с ерундой! Я страну тут спасаю! А они выясняют, где дедка и бабка! Какая, блин, разница? Ну не пришли на работу — и ладно. Работа не волк, как известно.

— А это мой сосед Сергей, — сказал Инсаров. — Мыслящий и честный человек.

Я приосанился. В точку попал Константин! Я такой, это верно!

За столом сидели шестеро. Кроме хозяина, здесь была его жена, сильно беременная и почти всё время промолчавшая. Так как эта тихоня всё равно не годилась на роль моей пары, я не очень-то присматривался к её внешности и даже имени не запомнил. А вот другая дамочка меня сразу же заинтересовала: со стрижкой маллет, в обтягивающей тугие сиси футболке с олимпийским медведем и джинсах клёш (интересно узнать, где достала?). Звали её Ирина. В течение посиделок я внимательно следил, не выявятся ли у неё романтические отношения с кем кем-нибудь из присутствующих. Ничего такого, к счастью, не заметил.

Остальные все были мужчины. Представившийся Евгением юный дрищ в больших уродливых очках и с лошадиной физиономией без конца крутил в руках курительную трубку: кажется, ему очень хотелось быть похожим на какого-то философа. Рыжий бородатый Михаил напомнил мне папашу дяди Фёдора из мультика про Простоквашино. Ему прямо-таки не хватало свитера, гитары и костра. Самый старший из всех, раньше бывший, похоже, темноволосым, а ныне седой человек, кому явно перевалило за пятьдесят, почему-то представился «Лёня» — как будто был мальчиком.

Я долго собирался, волновался, потому пришёл последним — уже явно в середине разговора.

— ... Ещё Горький в «Климе Самгине» писал, что марксизм — это не ключ от всех замков, а отмычка, которая их ломает, — с важным видом заметил Евгений.

— А ещё говорят, пролетарский писатель! — Сказал Михаил. — И такие мысли выдавал...

— Несвоевременные, — вставил зачем-то Лёня.

— Лично у меня Горький не ассоциируется ни с чем, кроме Сахарова, — отозвалась Ирина.

Я отпил предложенного чаю, откусил предложенного бутерброда и попытался понять, о чём речь. Поначалу не вышло.

— Ладно, — сказал Михаил. — Горький умер, земля ему пухом. Теперь у нас другая ситуация.

— Вот именно, — отозвался Лёня. — Слышали, в Польше военное положение отменяют? Как думаете, наши туда всё-таки введут войска?

— Руки коротки, — ответил Константин. — И так в Афганистане, вон, завязли. Куда ещё-то лезть? К тому же капиталисты могут перестать покупать нефть, а наши в этом совершенно не заинтересованы. Сейчас не 68-й год и даже не 56-й.

— Да и активистов там уже пересажали всех, — добавила Ирина. — «Солидарность» раздавили. Ярузельскому не о чем беспокоиться.

— Да... — Евгений вздохнул. — Никакого просвета не видно.

А Лёня добавил:

— Посадят нас скоро, наверно...

— Так, давайте без упаднических настроений! — оборвал его хозяин вечеринки. — Между прочем, оказалось, что наш зверь вполне способен разжать когти. Вот Сергея вчера забирали в милицию по доносу: имел неосторожность откровенно поболтать с одной

соседкой. Однако вот он, с нами! В тот же вечер отпустили!

Все тут же повернулись в мою сторону.

— Как вам это удалось? — спросил Евгений.

— Притворился дурачком, — ответил я со всей открытостью.

— А что вы той соседке говорили? Действительно что-то серьёзное? Или так, ворчали просто?

— Да не знаю даже... Как это измеришь-то...

— Когда мы с Сергеем познакомились, — поддержал меня Инсаров. — Он высказал весьма продвинутое, то есть, крамольные, с точки зрения нашей власти, вещи. Например, что не следует безоговорочно верить Политбюро. Или что за всеми разговорами о «народной демократии» стоит просто стремление коммунистических партий к безграничной власти. Что хотел бы собственными руками избавить Родину от красной диктатуры. Что Андропов мечтает вернуться в 1937 год, но ему это не удастся. И в том, что Советский режим не продержится долго, наш новый товарищ охотно со мной согласился!

«Что за хрень?» — подумал я. Я это говорил? Да никогда! Этот сраный Инсаров всё понял неправильно!.. И что вообще за туса здесь такая? Куда он привёл меня? Кто они, все эти морды? Диссиденты, что ль? Изменники поганые... Либерда какая-то вонючая... Тьфу, блин! И как я только мог здесь оказаться?! Надо сваливать!

Я хотел встать, дать им гневную отповедь и удалиться.

Но тут вдруг Ирина сказала:

— Сергей! Вы такой прогрессивный и смелый! Вы знаете, я вами восхищаюсь!..

Что ж... Ну ладно... Я уйду отсюда несколько позднее.

Постепенно я остыл и уходить совсем раздумал. Ну вот кому будет хуже от моего ухода? Самому же мне и будет. Снова буду один тосковать... А здесь меня хоть как-то привечают. Чаю, вон налили, жарчки дали... Клоуном, опять же, не обзывают... Можно слушать разговоры диссидентов, понимать их историческую неправоту и наслаждаться своим превосходством, в конце концов! Еще можно побольше разведать о них и потом сообщить, куда следует. Возможно, это принесёт мне какую-нибудь выгоду. Не исключено, что даже выгоду всемирно-исторического масштаба! Ведь кто знает, не сыграла ли именно эта кучка недовольных какую-нибудь важную роль в развале СССР? А вдруг, если именно эти пятерс не выйдут на баррикады в августе 1991, то ГКЧП победит?..

В общем, следующие пару часов я сидел, слушал разговоры о недостатках Советской власти, плавно переходящие в сплетни о личной жизни каких-то незнакомых мне людей, кивал с умным видом, один раз сказал «Уважайте свою Конституцию!» и старался съесть побольше, пока можно. Главное моё внимание было, конечно же, сосредоточено на Ирине. Я смотрел на неё томно и призывно и всему, что она говорила, поддакивал. Про себя подумал даже: «Не беда, что диссидентка! Девчонки всегда находятся под влиянием своих парней. Так что я её перевоспитаю».

Правда, поначалу Ирину всё-таки придётся охмурять, используя её отвратительное мировоззрение. Что любят либералки? «Гомосексов», — мгновенно подкинул мне разум. Нет, наверно, притворяться гомосексом будет слишком... Может, сказать ей, что я раньше был женщиной?.. Это может вызвать жалость и желание увидеть мои половые органы. У баб же от жалости до любви и обратно — один шагочек! А когда она посмотрит на моё хозяйство, то так удивится, что там всё нормально, что наверняка не устоит, чтоб не потрогать... И потом пошло-поехало!

Хотя, с другой стороны, я не уверен, что у либералов этого времени гомогей и другие извращенцы уже в моде. Сообщение о том, что я девчонка, может даже оттолкнуть. Надо всё же давить на политику. Может, сказать ей, что я был в Америке? Или выдумать какое-нибудь ужасное прошлое в застенках ГУЛАГа? Хотя тут и придумывать не надо: расскажу ей про расстрелянного деда! Классно ещё было бы обмолвиться, что якобы печатал на пишмашинке какой-нибудь самиздат и распространял его... И ещё я проявлю низкопоклонство перед Западом: надо будет обязательно сказать, что наше всё не идёт ни в какое сравнение с их всем!

В какой-то момент мужики все пошли покурить, а мне отсутствие вредной привычки сыграло на руку: моя избранница тоже не курила, и после того, как жена Изотопова скрылась на кухне, мы с Ирой остались одни.

Пора брать быка за рога!

— Вы так модно одеты, — сказал я Ирине. — Особенно джинсы.

— Сама их варила, — охотно заметила та.

— А я думал, импортные! — отвесил я комплимент.

— Что вы! — девушка смущённо рассмеялась. — Вы, наверно, просто импортных не видели!

— Обижаете. Видел. И даже ношу. У меня как есть одна пара из Америки.

— Из Америки? Вы шутите? Как вы вы ее достали?

— Подарили, — сказал я загадочно.

— А, если не секрет, кто подарил-то?

— Академик Сахаров.

По расширившимся глазам Ирины я понял, что выдумка оказалась удачной.

— Ой, ну вы и юморист!

— Отнюдь. Я не шучу. Просто я его давний поклонник. Очень уважаю термоядерные бомбы, всё такое...

— Да как вы могли с ним увидеться?!

— Ну, в один прекрасный день я просто сел и подумал: почему бы не пойти в гости к академику Сахарову? Вон, у Магомаева вечно в подъезде не протолкнуться, у Лемешева толпы стояли под окнами... А этот-то чем хуже? Разузнал я его адрес. Купил билет до Горького. И поехал.

— Неужели вас к нему пустили?!

— Ну несколько кордонов милиции я обошёл. Но до самой квартиры не стал прорываться, решил, что опасно. Палкой в окно постучался.

— А он что?

— Он к окну подошёл и глядит. А я ему тогда ватман с плакатом развернул заранее заготовленным: я, мол, ваш главный поклонник, вы лучший и всё в этом роде. И ещё показал большой палец.

— А он?

— Он мне тоже большой показал. И продемонстрировал записку: «Я тоже наслышан о вас».

— Он о вас наслышан?! Но откуда?!

— Просто я когда-то демократические прокламации на своей пишмашинке печатал. Читали «Архипелаг ГУЛАГ»? Это я настучал под копирку. Домашнее издательство, хехе...

— Что?! Целый «Архипелаг ГУЛАГ»?

— Да, двести экземпляров напечатал. Только остальным не говорите. Не люблю как-то излишнего внимания...

— Но для того, чтобы проделать такую громадную работу, нужно невероятное количество сил и времени!

— Просто тема сталинских репрессий мне близка. У меня ведь и у самого деда в 37-м расстреляли!

Разумеется, я сказал «деда», а не «прапрадеда», чтобы это больше подходило человеку, который в 1983 году был в моём возрасте.

— Кого только это ни коснулось, — вздохнула Ирина. — Мои предки тоже пострадали. Их в 36-м расстреляли по обвинению в соучастии в «левотроцкистском террористическом блоке». То есть, якобы Зиновьеву и Каменеву чем-то помогали.

— Кто бы мог подумать, что у нас так много общего!..

— Угу. А что же Сахаров?.. Вы сказали, он вам джинсы подарил?.. Когда же это было?

— Так вот тогда и было. Он мне в форточку их высунул. Сказал: «У такого достойного человека, как вы, Сергей, непременно должны быть американские джинсы».

— Но откуда они у него?! И ещё и в Горьком...

— Как откуда? Очевидно: из Госдепа. Где печеньеки выдаются, там и джинсы.

— В смысле? — Ирина нахмурилась. — Что-то не понимаю.

— Ну в смысле, в смысле... Ведь защитники свободы и демократии получают

подарочки из-за железного занавеса, не так ли? Мы же все это знаем, ведь верно?

— Все знаем? Подарочки? Нет, я об этом не слышала... Откуда у вас эта информация?

Ирина напряглась. Кажется, я сказал что-то, не соответствующее её представлениям о прекрасном. Ладно, разворачиваем курс!

— Впрочем, может, и не из Госдепа! Я не помню. Давно это было, вы знаете... Кажется, эти джинсы подарил Сахарову какой-то его ученик в знак признания и уважения... Да-да, точно, так он и сказал! Ученик подарил, аспирант. Но размер оказался не тот. А вот мне подошли.

— Удивительная история, — проговорила Ирина.

Я не очень понял, что звучало в её голосе: недоверие или восторг. Впрочем, ничто не мешало им быть там и вместе...

— Не верите?

— Да уж странная история, если честно.

— Вот почти никто в это не верит. Потому я и предпочитаю не распространяться о своих заслугах и этой встрече. Всё равно решат, что вру, так больно надо! Для вас вот решил исключение сделать. А вы...

— Нет-нет, я верю! — новая знакомая, похоже, не хотела меня обидеть прямым обвинением во вранье.

— Но не до конца, да? — улыбнулся я, придав себе вид как можно более снисходительный. — В общем, вы как хотите, а джинсы-то есть. Я их редко ношу, чтоб внимание не привлекать. Но могу показать. Они дома лежат у меня. А ещё есть футболка от Солженицына и кроссовки, которыми за меня за выдающуюся деятельность премировал Московский Хельсинский Комитет...

Последняя моя фраза потонула среди голосов возвратившихся Лёни, Евгения и Михаила. Ирина переключила внимание на беседу с ними. Я ещё немного посидел, поделал вид, что одобряю весь их трёп. Постарался запомнить особые приметы каждого, чтобы потом лучше описать их, если всё-таки решу изничтожить это изменническое логово. Но главное — сформировал в голове пару планов дальнейшего соблазнения Ирины.

Наконец, Михаил и Евгений ушли домой. Лёня с Константином ещё немного побеседовали, договорились до того, что России нужна новая социалистическая революция, чтобы вернуться на путь настоящего ленинизма. А потом всем стало ясно, что пора уж расходиться.

Когда мы все трое обувались, я заметил, что час, в общем, уже поздний, и неплохо бы Ирину проводить кому-нибудь. Например, я могу это сделать. Она согласилась.

***

Выйдя из подъезда, мы с моей новой знакомой двинулись к троллейбусной остановке.

— Признайтесь, вы мне всё же не поверили, Ирина, — сказал я.

Та произнесла что-то уклончивое, мило рассмеявшись.

— А ведь джинсы действительно есть. И другая импортная одежда. Вам как моднице, наверно, было бы интересно и полезно взглянуть на то, как шьют нынче на Западе.

— Ну не возвращаться же обратно только ради того, чтобы посмотреть на эти вещи... — сказала дама.

Я подумал, что она хочет услышать ответ вроде: «Не только для этого, дорогуша! Ещё для того, чтобы я тебе вставил, конечно же». Может, так и надо было ей сказать... Но не решился. Сказал вот как:

— Возьмём да вернёмся, подумаешь! Мы ж совсем недалеко ещё ушли. А кроме того, я могу угостить вас сайрой...

— Ах, ну если сайрой! — Ирина опять рассмеялась. — Честно говоря, мне было бы действительно очень интересно увидеть настоящие американские джинсы.

— Ну тогда пошли! — ответил я.

Готов поспорить, что она уже решила мне отдаться!

* * *

Идя обратно, мы решили перейти на ты. Думаю, что если тёлка уже потекла с меня, то выкать ей как-то глупо...

Дома я усадил Ирину на кухне и велел подождать, а сам удалился в комнату и быстренько натянул свои шмотки из XXI века.

Вышел в них весь такой западный, передовой! Одно слово — демократище!

Гостья с восхищением оглядела мой прикид.

А потом без лишних предисловий приказала мне снимать штаны.

Ну наконец-то! Вот что значит жить в СССР!

Я начал расстёгивать молнию, предвкушая коммунизм, мир во всём мире и полёт на Марс в одном флаконе...

Девушка попросила меня полностью вылезти из американских штанов и взяла их в руки, словно древнюю реликвию. Покрутила, потёрла, пощупала... Швы рассмотрела. Нашивку, конечно же, тоже.

— Врангель... — прошептала потрясённая Ирина. — Неужели настоящие?..

— Настоящей не бывает! — сказал я, хотя и был уверен, что мои штаны — китайские. — А знаешь, что у меня ещё настоящее?..

— Потёртые... Изношены порядочно... Но в этом есть свой шик...

— В них выросла вся Америка, — выдал я невесть откуда взявшийся в голове рекламный слоган. — А, кстати, под шикарными штанами знаешь, что ещё шикарное?..

— За сколько брал? Вот если только честно, — спросила Ирина, проигнорировав мои изысканные намёки.

— Говорю же, подарили!

— Ну ладно, допустим. Выходит, бесплатно достались... А продать ты их не хочешь, если что?

— Продать?

— Да. Думаю, что я смогу толкнуть их рублей за сто двадцать. Двадцать — мои, остальные — тебе. Интересно?

— Большая комиссия...

— Потому что найти покупателя надо уметь, — отвечала Ирина по-деловому. — И менты, если заловят, по головке не погладят, очевидно.

Вообще-то я не планировал заниматься продажей личных вещей. Деньги на жизнь из дедушкиных запасов у меня были. Сложней было найти, что купить, а не на что. И всё-таки запас моих наличных был довольно ограниченным, а насколько я здесь задержусь и обзаведусь ли работой, оставалось ещё под вопросом. Логика подсказывала, что джинсы действительно лучше продать, пока есть возможность.

Кроссовки и футболка Иру тоже заинтересовали. Обувь была стоптанной, но всё равно абсолютно другой, чем в советских универмагах, так что тоже кое-чего стоила. Что касается футболки, то на ней имелась надпись «Пивозавр» и рисунок ящера, держащего в маленьких лапках две кружки пива. Эта вещь Ирину удивила:

— Необычная футболка, никогда таких не видела! Да яркая какая... Странно: надпись по-русски... Но у нас таких не делают уж точно! И откуда же такая?

— На заказ изготовили, — выдумал я.

— На заказ? Что, у частника? Это где же ты нашёл такого?

— Где нашёл, там уж нету, — сказал я уклончиво.

Привыкшая к конспирации Ирина не стала допытываться. Футболку с кроссовками она тоже взяла на реализацию.

А потом, наконец, уставилась на то, чем должна была заинтересоваться с самого начала! Я поймал её взгляд у себя между ног и спросил:

— Может, хочешь потрогать его, дорогая?

— Нет, спасибо, — сказала Ирина. — А трусы-то тоже импортные, да? Я смотрю, они так классно по фигуре. Видно, чистая синтетика!

— Она.

— И цвета американские... Так здорово...

— Американские?!

— Ну да: белый, синий, красный — это же цвета США. Любишь всё американское?

— Обожаю, — сказал я сквозь зубы.

— Ты давно их стирал?

Я сконфузился. Кто ж его знает! Всю свою жизнь в 1983 году я проходил в этих трусах, а сколько носил их в 2022-м — поди вспомни!

— Давненько.

— Я смогу их продать за пятёрку. Когда постираешь — звони.

Ирина написала телефон. Пока она выводила на бумажке цифры, я сделал последнюю попытку:

— Готов снять для тебя их сейчас же!

— Нет, сейчас не надо. Постирай сперва. И, кстати, если что-нибудь ещё из модных штоток у тебя вдруг заведётся, звони тоже.

Я сомневался в том, что откуда-нибудь вдруг сумею заполучить и другие предметы антисоветского гардероба. Но деваться было некуда — кивнул.

Ирина собрала мои манатки и сказала:

— До свидания!

Когда дверь за ней закрылась, я сказал себе, что всё не так уж плохо. Сексом в день знакомства только шлюхи занимаются. И педики. И муклы надувные. А у нас в СССР мораль высокая, мы этого не делаем. Нам узнать друг друга надо, всё такое... Вот у меня Иркин телефон есть — разве плохо? Приглашу её завтра в кино... На последний ряд...

* * *

В общем, в этот вечер настроение у меня было не самое плохое. На радостях, что приятно провёл время, я простил семейный архив и вытащил его из мешка для макулатуры. А потом сидел до часу ночи и читал всякие письма, фотографии рассматривал, расписки, пропуска, удостоверения...

К часу ночи прояснилась ситуация с прапрадедом. Ура! Если честно, у меня прямо от сердца отлегло, как я всё выяснил!

В общем, оказалось, что прапрадед был чекистом. Он служил в НКВД и в 1936 году внёс большой вклад в уничтожение троцкистско-зиновьевской шайки, как было написано в одном из писем. Как-то раз арестовал целую семью англо-фашистско-эсеровских шпионов и конфисковал у них роскошный граммофон, который после этого хранил у себя дома. А в 1937 что-то случилось, и его самого, видимо, по ошибке, уничтожили. Думаю, это могло быть происками каких-нибудь недобитков, которые мстили ему за отличное выполнение плана по ловле врагов народа...

В общем, прапрадед был свой. Какой надо прапрадед был. Всё разрешилось, теперь я могу им гордиться!

Полночи мне снилось, как я трахаю Ирину, а вторую половину (после вылазки в сортир) — доблестные чекисты, которые вместе со мной ходят по квартирам по поисках врагов, и, наконец, у Людмилы Васильевны застают прячущегося под диваном Горбачёва. Я уже приготовился насладиться тем, как мы потащим его в чёрный воронок, а потом расстреляем у стен ковидария в Коммунарке, как раздался какой-то звонок.

Я проснулся.

Звонили мне в дверь.

Я никого не ждал, тем более, в такую рань в воскресенье, поэтому сразу же заподозрил неладное. Снова Людмила милицию вызвала? Рожков пришёл узнать, почему я прогуливаю работу? Или всё-таки маньяк?.. Блин, кто может припереться в такой час — ну, конечно, только извращенец!

Глянув в глазок, я утратил дар речи.

На лестничной клетке стояла толпа — и все в штатском. Я насчитал где-то шесть или семь человек, в основном, мужиков. Но подозреваю, что на самом деле их было больше: просто угол обзора глазка не вмещал всех... Кстати, я сказал «в штатском» — так словно знал, что обычно они носят форму. В общем-то, это были обычные люди в обычной тёмной одежде — в пиджаках и при галстуках. Но я как-то сразу понял, что они из КГБ.

Решил не открывать.

На цыпочках отошёл от двери, залез обратно под одеяло и затаился.

Позвонили второй раз. Потом ещё третий.

Вот настойчивые, черти! Что им надо? Я принялся перебирать в голове варианты. Может, Ирину уже успели арестовать за фарцовку, а она им рассказала, что шмотки ей я дал?.. Нет, наверно, этим занималась бы милиция... А что, если один из вчерашней компании был провокатором?! Боже! Должно быть, пятое управление точно так же сейчас пришло за всеми, кто был у Инсарова, и за ним самим! Вот дурак я, болтал что попало вчера! Про конституцию, про Сахарова что-то... Нет, про Сахарова, вроде, только Ире говорил... А если она провокатор и есть?! Чёрт, чёрт, чёрт! Ну, конечно, она донесла! Зачем бы иначе ей слушать всю эту ересь про джинсы и мой самиздат?! Нормальная бы на смех подняла меня! А эта всё слушала, слушала... Записывала, видимо. Стукачка! Ненавижу!!!

В дверь позвонили четвёртый раз. Пятый.

Потом постучали ещё. Стук звучал угрожающе. Он как бы говорили: «Открой, сука! Или сами двери выбьем!».

Ну уж нет, я так просто не дамся! Буду упираться до последнего! Если эти сволочи хотят меня схватить, то на это им понадобится истратить всё воскресенье! Сами не будут не рады тому, что за это взялись!

Замотавшись в одеяло, я слез на пол и бесшумно закатился под кровать. Если жандармы ворвутся, придётся им попотеть, чтоб меня вытащить!..

Тут зазвонил телефон.

Это точно они же! Хотят узнать, дома ли я! Ну уж нет, не отвечу!

Сатрапы! Как же я вас ненавижу! Почему обязательно надо людей-то гнобить? Ну носит кто-то джинсы или Сахарова любит — вам-то что? Да если б вы за это не преследовали, всем бы наплевать было — и кто во что одет, и кто что пишет!..

Настойчивые звуки и дверного, и телефонного звонков одновременно создавали ощущение, что я окружён со всех сторон. Если честно, это было страшно. Вспомнилось, как в детстве, насмотревшись «Криминальной России» и сидя дома один, я вот так же дрожал от любого звонка из наружного мира... Или лучше сказать «я буду дрожать»? Это ж будет ещё в девяностые... Блин, а в девяностые-то вот уже не будет КГБ людей пугать! Кончится, блин, ваше время! Свободно вздохнём...

Восемь годков продержаться всего лишь осталось...

*А знаешь, всё ещё будет!
Южный ветер ещё подует,
И весну ещё наколдует,
И память перелистааает...*

— запела вдруг из открытой форточки Пугачёва.

Кто это там шлак всякий врубает на всю катушку с утра пораньше?! Я хотел было выскочить из-под кровати, высунуться в окно и начать скандалить, но тут же понял, что это ещё одна уловка работников органов. Хотят меня выманить так! Думают, я морду покажу им из окна! Хотят убедиться, что дома! Ну нет уж! Я, сатрапы, вам не сдамся! Нет меня дома — и всё тут!..

Ещё минут десять я героически лежал под кроватью, терпя звонки и Пугачёву одновременно. Потом телефон замолчал. В дверь ломиться тоже вроде перестали. Впрочем, я не был уверен в том, что толпа на моей лестничной клетке рассосалась, — и проверять не спешил.

Пришла мысль: если всё-таки ворвутся, надо быть готовым. Уничтожить все улики, указывающие на мою антисоветскую деятельность. Потом пришла вторая мысль: нет таких улик. Да и деятельности антисоветской за мной не числится. Единственное, что вроде как связывает меня с диссидентами, это телефонный номер Инсарова, записанный на куске газеты. Тут пришли и третья мысль: а ну-ка, позвоню-ка Константину. Интересно, забрали его или нет.

Я набрал.

— Алло! — сказал Инсаров.

— Привет. Это Серёга. Ты там как?

— Да нормально. Просыпаюсь вот... А ты как? Что звонишь-то? Случилось, что ль, что-то?

Ясно, то есть, к нему не пришли... Значит, либо пришли только ко мне, потому что посчитали меня самым опасным, либо пришли ко всем, кроме Константина. Потому что он сам им и стукнул... Впрочем, сейчас обратиться мне всё равно больше не к кому...

— Слушай, Костя, тут ко мне какая-то толпа народу заявила...

— В смысле?

— В прямом. Они в штатском...

— То есть, думаешь, из органов они?

— Не знаю... — Следовало всё же не запугивать Инсарова уж слишком-то. Лучше было использовать его для разведки. — Нет, наверно, не из органов... Не думаю... Наверное, какие-то придурки... Только я их опасаюсь... Слушай, а можешь по дружбе узнать, кто

такие? На тебя-то им, наверно, всё равно...

— Ладно, не вопрос, — сказал сосед.

Я положил трубку и через несколько минут услышал на лестнице какие-то шаги — наверно, его. Потом внизу раздались какие-то голоса. А дальше пошло томительное ожидание.

«Его арестовали», — понял я.

А может, это он им и был нужен? Может, ко мне по ошибке они заявились? Я-то что? От меня ничего не зависит. А Инсаров — он-то знатный антисоветчик!

Значит, есть шанс, что сейчас они заберут его и на том удовлетворятся...

Может быть, уже и безопасно...

Сейчас досчитаю до ста и в окно посмотрю.

Один... Два...

Зазвонил телефон.

— Да!

— Слушай, — сказал Костя. — Это всё из монтажного техникума народ. Говорят, на похороны Марии Ивановны. Она, что, умерла? Ты ж сказал, что они все на отдых уехали.

— Так и есть! — ответил я мгновенно, начиная вспоминать, как началась вся эта тема про смерть бабки. — Это кто-то, наверно, так зло пошутил. Может, они ей звонили, да попали не туда, а им там и лягнули, мол, умерла. Ведь так может же быть?

— Может, — согласился Константин. — Так, наверно, и было.

— Слушай, а можешь еще раз к ним выйти, сказать, что всё это ошибка? Я тут долго претворялся, что не дома, неудобно как-то будет...

— Ладно, — вздохнул Константин. А потом то ли в шутку, а то ли не очень добавил: — Но ты мой должник!

— Согласен, — сказал я.

Потом положил трубку и подумал: «Должник, как же! Ещё не хватало быть должным таким, что Союз развалили!».

Очухавшись после вторжения бабушкиных коллег, я отправился на поиски жратвы.

И мне повезло!

В магазине я встретил говядину.

Правда, это были не самые привлекательные куски и состояли они в основном из костей. Но я где-то слышал, что кости для супа годятся.

Внезапно пришло понимание, что я не ел мамкиного борща уже целых четыре дня.

Ну и ну!

Таких перерывов в борще я не делал с тех пор, как меня отцепили от сиськи.

Что же делать? Снедаемый тоской по привычному супу, я решил сварить его самостоятельно. Набрал всего того, что нужно в борщ — или, по крайней мере, в моё представление о борще. Только вот сметану опять взять не удалось: бидона не было. Ну ладно. Из натуральных советских продуктов должно получиться ещё вкусней, чем при Путине со сметаной.

Подойдя к своему подъезду с полной авоськой, я сперва не обратил внимания на девочку-старшеклассницу, сидевшую на лавке у подъезда. Но, увидев меня, она встала и обратилась:

— Дяденька, простите! Вы из этого подъезда?

Я оглядел её. Коротенькая юбка, белые гольфики. Стрижка под Мирей Матье. Тяночка ну чисто для обложки бояр-аниме какого-то! Ко мне такие хорошенькие ещё ни разу первыми не обращались! Наверно, я ей нравлюсь... Лет-то ей, конечно, ещё мало, но, вон, сиськи уже выросли!

— Из этого. А что?

— Вы знакомы с Колобковыми? Они из девятнадцатой квартиры.

— Ну, может, и знаком. А дело в чём?

— Так значит, знакомы?

— Допустим.

— В общем, их сын Юра — мой хороший друг. Говорят, у него мама умерла, а папа запил. Я пришла, звоню — никто не открывает. Беспокоюсь. Вы что-нибудь знаете? Как они там?

— Юра — твой друг? — удивлённо спросил я.

Внутри что-то ёкнуло. В этой девочке было что-то такое... Кажется, она понравилась мне не только из-за мини-юбки и юных сисичек...

— Звать-то как тебя?

— Лена.

— Антипенко?

— Ой, а откуда вы знаете?

Мне ли не знать девичью фамилию своей матери! Это же ответ на секретный вопрос на всех моих почтах!

Эх, маманя... Постарела ты со мной-то...

Вот какая, стало быть, была...

Изрядно потрепал тебя капитализм. Гегемония Америки измучила. При советской власти любо-дорого взглянуть было! А теперь из-за проклятых либерастов вся в морщинах...

— Про тебя мне рассказывал Юра. Я дядя его, брат отца. Они все в санаторий уехали, я в их квартире пока что. А что мать умерла это глупости. Сплетни тупые.

— Ну и слава богу! — выдохнула Лена. А потом ещё добавила: — Я, дяденька, не верую. не думайте. Я так.

— Да я и не думаю, — отозвался я, вспомнив, какое количество икон развешано мамкой теперь у нас дома.

— Спасибо вам! Ну, я пойду.

— погоди!

— Что такое?

— Ты это... ну... Ты борщ варить умеешь?

— Ну умею, — Лена удивилась. — А в чём дело?

— Зашла бы, сварила мне, а? Вот продукты все куплены...

— Ещё чего!

— А что в этом такого? Заодно и прибрала бы...

— Да вы, дядя, с дуба рухнули!

Мать развернулась и двинулась прочь от подъезда.

— Да я заплачу! — крикнул я.

Она не среагировала. Через секунду я подумал, что обещание денег, наверное, прозвучало грубо и непристойно, особенно от мужика юной девушке. Так что я ещё добавил:

— Я тебя насиловать не стану, ты не думай!!!

Тут мать припустила бегом.

Я кинулся следом — ещё не хватало, чтоб Ленка решила порвать с Колобковым из-за полоумного дядьки!

— Лен, ты слышишь?! Юрку не бросай! Хороший он! Не бросай ни за что, слышь, зараза!!!

* * *

— Зря ты за ней бегаешь. Гуляющая она, — сказала бабка, восседавшая на лавке у подъезда, когда мать убежала, а пошёл в дом.

— Чего? — спросил я.

— Ленка, говорю, твоя — гуляющая. Восьмой класс только-только закончила, а туда же! То с этим, то с тем ее видят... Вот сейчас к одному парню из нашего подъезда пристала. Ты сношайся лучше с кем-нибудь постарше, посерьёзней. Ленка-то, не ровен час, заразит тебя чем-нибудь... С ней потом проблем не оберёшься...

Я малость прифигел от этих слов. Но в полемику с придурочной старухой всё ж решил не ввязываться. Просто сказал:

— Я сношаться с ней не собираюсь. У меня к ней дело было. А вы, бабушка, чем сплетни пересказывать, сделали бы что-нибудь полезное лучше!

— Это же? — бабулька прищурилась.

— Да вот борщ мне хотя бы сварили! — сказал я, кивнув на авоську.

Бабка быстро оценила ее содержимое и произнесла:

— Сварю, но без мяса.

— А это ещё почему? Мясо ж — вот оно.

— А я его себе возьму. В оплату.

Я опять прифигел. Ну уж нет! Какой смысл в борще без мяса?

— Как вам, бабушка, не стыдно демонстрировать такую меркантильность?! — сказал я. — Жадность. Рвачество. Стремление к наживе. Буржуазный индивидуализм, вот это что такое! Мы, советские люди, должны помогать друг другу! Думать сначала о коллективе, а не о шкурных своих интересах! Вообще, настоящие люди работают за идею!..

— За идею я уже при Сталине наработалась, — ответила бабка. — А теперь на заслуженном отдыхе. Так что иди-ка ты в жопу, милок, вместе с Ленкой своей.

* * *

Дома я позвонил Ирине, собираясь, как и планировал вчера, позвать её в кино, а потом заманить в гости. Думаю, она должна охотно ко мне пойти, так как явно хотела секса ещё вчера, но, наверное, постеснялась. Я, конечно же, не откажусь удовлетворить даму, выполню мужские обязанности, но в ответ потребую выполнить женские. Таким образом, я убью сразу двух зайцев: и девчонке присуну, и борщ получу, думал я.

Увы, не вышло. Ирин телефон не отвечал.

В общем, борщ мне пришлось варить самому.

Я порезал все ингредиенты, как умел, свалил в кастрюлю, залил водой, поставил на плиту и призадумался о жизни. Вот, казалось бы, такая великая страна — Советский союз! А борщ для человека сварить некому... Да и ни одной личности, соответствующей высокому идеалу советского гражданина, я до сих пор не встретил. Ни одного союзника в деле спасения СССР. Ни одного, кто бы был по-настоящему заинтересован в том, чтобы сохранить его. Все эти жадные бабки, злобные продавщицы, продажные диссиденты — они словно ждут-не дождутся лихих девяностых!

Что ж за хрень такая, а? Не понимаю.

Ну, еще, конечно, меня беспокоила мать. Не та мать, которая осталась в 2022 году (хотя и с ней, конечно, интересно, как там что), а здешняя, молодая. И не в том смысле, что она отказалась выполнять свои обычные обязанности по готовке и уборке для меня. Беспокоило то, что отец-то ушёл в моё время. Так как же они теперь встретятся? Хотя и крикнул Лене, чтобы Юру не бросала, всё равно сейчас неясно, встретятся ли они вообще ещё хоть когда-нибудь. Значит, мне надо срочно вернуть деда с бабкой и батю обратно. Иначе меня не родят, я не буду на свете!..

Хотя, с другой стороны, может, меня уже вроде как и нет? Может быть, не быть не так и страшно?

А с третьей стороны, ведь вот он — я. Значит, всё же я родился. Значит, батя всё-таки вернулся и на матери женился, я могу не волноваться...

Или нет?

Совсем запутался.

* * *

Борщ вышел невкусный. Из-за всех этих эгоисток, не пожелавших помочь

нуждающемуся человеку, мне пришлось провести вечер, глядя в телевизор и вылавливая из воды съедобные куски мяса и овощей.

— С прискорбием сообщаем... — сказал Кириллов.

Я встрепенулся. Неужели у Андропова в ЦКБ искусственная почка уже сломалась?!

А, нет. Это Пельше. Старейший коммунист СССР.

Ну что ж, помянем!

Полбутылки водки я нашёл у деда ещё вчера.

Больше ничего интересного в тот день со мной не происходило.

На следующий день с утра пораньше я отправился сдавать макулатуру.

До двадцати килограммов чуть-чуть не хватило. Поэтому пришлось выйти в подъезд и взять из почтового ящика Люды «Работницу», а из ящика Инсарова — номер «Науки и жизни». Это было наказание диссиденту и доносчице. Хорошо, что в советское время почтовые ящики не запирались. Ну и правильно, зачем их запирают? Воров у нас нету и почту никто не утащит.

Подходящего рюкзака, чтобы набить туда 20 кг бумаги, в доме деда с бабушкой тоже не нашлось. Пришлось увязать всё и взвалить на детские саночки, найденные мною на балконе. Железные полозья ужасающе скрежетали об летний асфальт, но идти было, к счастью, не далеко: пункт приёма находился в том же здании, что и книжный, лишь вход был с другой стороны. Подойдя туда, я обнаружил очередь из людей, многие из которых тоже приволокли свою макулатуру на санках. Спросил, кто последний, встал в хвост, и почувствовал себя настоящим советским человеком.

Мой взгляд сразу же привлекли санки молодого гражданина, стоявшего передо мной. Кроме густо исписанных старых бумажек и рваных газет, в них лежала куча экземпляров книги под названием «Критика буржуазных концепций истории КПСС». Я уставился на эту кучу. Книжки выглядели новыми. Неужели этот парень специально купил столько экземпляров коммунистической скукотищи только чтобы сдать в макулатуру?..

Обладатель «Буржуазных концепций» заметил мой интерес.

— Это сборники статей нашей кафедры, — с улыбкой заметил он. — Их всё равно никто не читает. «Братская могила» называется.

— Кафедры? Так значит, вы учёный? — спросил я.

— Надеюсь, скоро стану таковым, — ответил парень. — Я пока что аспирант.

— Политолог?

— Историк.

— А! Ясно.

Я хотел было сказать, что историки всё врут, веками скрывая от народа правду о палеоконтактах с инопланетянами, Атлантиде и ключевой роли жидомасонов во всех событиях... Но не стал. Подумал: зачем сразу ссориться? Если это историк КПСС, значит человек кровно заинтересован в том, чтобы СССР сохранился! Вот он, настоящий коммунист! Вот он, мой истинный друг и союзник! Вот тот, кто поможет убить Горбачёва, Ельцина, Петрова и остальных предателей!

— Стало быть, с историей партии решили своё будущее связать? — закинул я удочку.

— Ага, — сказал парень. — Что ни говори, для специалистов по ней работёнка всегда найдётся! Это вам не Древний Рим неактуальный. Не Варфломеевская ночь какая-нибудь, в которой даже классовой борьбы не отыщешь...

— Ну да, историю партии во всех вузах и техникумах учат, — сказал я. — Ну, а что, если предположить... ну, чисто теоретически... что советская власть вдруг падёт? Куда тогда идти с историей партии?

Аспирант взглянул на меня с таким подозрением, что я снова уже начал мысленно готовиться к аресту. Но прямо сейчас доложить на меня он не мог. Хорошо, что мобильных телефонов еще не изобрели.

— Советская власть не падёт, — сообщил аспирант. — Учение Маркса, Энгельса и Ленина всесильно, потому что оно верно. И к падению советской власти нет совершенно никаких исторических предпосылок. В нашем обществе нет классовых противоречий, и объективно оно обречено на победу.

— ... Если какие-нибудь заговорщики не вмешаются! — вставил я.

— О чём вы?

— Да так, просто... В целом рассуждаю... Обстановка в мире беспокойная, сами знаете. СССР демонстрирует недюжинные успехи, ему завидуют. Всем известно, что чем больше социализма, тем острее классовая борьба...

— Это при Сталине так говорили.

— Так что же? И правильно говорили-то! Говорили так — и атомную бомбу изобрели! А теперь что? Расслабился народ, размягчился. На лаврах решил почивать. Думает, есть магазине батон по 13 копеек — и всё хорошо. И всегда так и будет. Ну а враг, меж тем, не дремлет!

— Вы преувеличиваете.

— Вот все так думают, что я преувеличиваю! А, между прочим, в конце царского режима, тоже всем казалось, что он вечен! Ну и что? Прилетело, откуда не ждали!

— Сейчас у нас не царский режим. Сейчас всё иначе. Царский режим пал по объективным причинам...

— Не важно! Вы не думайте, я не про то! Я... это... я не сравниваю вовсе! Просто я волнуюсь, что от самоуспокоенности нашего народа могут быть огромные проблемы! Люди потеряли революционный запал, понимаете? Вот много ли сейчас таких, кто вместе с Лениным пошёл бы штурмовать Зимний дворец?..

— Хм... Ну, я пошёл бы.

— И я бы пошёл! — соврал я. — Кстати, меня звать Сергей.

— А меня Аркадий.

Мы пожали друг другу руки. Наконец-то хоть кого-то я не отпугнул своими речами.

— Знаете, Аркадий... — сказал я. — Я так давно мечтал свести знакомство с настоящим коммунистом! С настоящим патриотом своей Родины! Одни ведь обыватели вокруг...

— Вы мне льстите, — сказал аспирант.

— Нет, говорю то, что думаю. Меня честно очень беспокоят возможные вылазки контрреволюции. Знаете, у Запада ведь здесь полно агентов. Они просто спят и видят, как бы скovyрнуть советскую власть! И было бы непозволительным легкомыслием думать, что силы НАТО не совершают ежеминутных попыток это сделать!

— Ну, может быть, и так, — сказал Аркадий. — Может, в чём-то вы и правы. Знаете, я сам недавно наблюдал подобную вылазку. У нас в подъезде какие-то диверсанты раскидали листовки.

— Листовки? Что, антисоветские?

— Ну да.

— Что, с призывами свергнуть Андропова?

— Ну, не так откровенно... Вообще говоря, в этих листовках содержалась какая-то ахинея. Что-то, знаете, типа кроссворда с бессмысленными вопросами. Но ведь советской власти незачем раскидывать подобные листовки, верно? Значит, это были диверсанты, антисоветчики.

— И вы, конечно же, отнесли эти листовки в КГБ?

— Нет. Честно говоря, я только сейчас благодаря вам сообразил, что это была вылазка врага. А тогда я просто взял эти бумажки и решил, что это будет неплохим дополнением к макулатуре. Собственно, они у меня тут, — Аркадий показал на свои санки.

— Любопытно как... А можно посмотреть?

— Да пожалуйста!

Он вынул из-под сборников какие-то бумажки и дал мне одну. На отрезанном вручную куске листа действительно было что-то вроде кроссворда, нарисованного с помощью копирки. Рядом были странные вопросы, написанные от руки и размноженные тем же дедовским способом. От них веяло чем-то ужасно знакомым, родным. Российским. Первый вопрос был: «Чей Крым?».

Остальные прочитать я не успел, поскольку моя очередь подошла. Пришлось сунуть бумажку в карман, чтоб вернуться к ней позже.

* * *

Сдав макулатуру и получив по талону на интересные книги, мы с Аркадием вместе вышли из пункта сдачи.

— Может, сразу вместе и за книгами? — предложил я своему новому другу и соратнику.

— Нет, если честно, не хочется... Я вообще не люблю этот книжный. Какой-то он неуютный. Я бы там всё переделал, — признался Аркадий. — Да и книги я не очень-то люблю. Вот кино — это да... А читать — как-то скучно... Хотите купить мой талон?

Цену он предложил вроде бы нормальную, почитать про приключения хотелось, да и деньги за мои шмотки Ирина должна была скоро выручить немалые, так что я согласился.

— А хотите, я вам ещё подгоню таких талонов? — спросил довольный аспирант после совершения сделки. — У нас кафедре полно макулатуры. Сборники статей к юбилею комсомола, памяти Сулова, про роль партийных органов в тушении пожаров в годы первых пятилеток... «Целины» двадцать пять экземпляров... Никто не заметит, если я сдам их в макулатуру.

Спекулянтские замашки аспиранта мне немного не понравились. Но, с другой стороны, что плохого в продаже талонов? Все так делали, наверно. Да и книг я хочу... И, главное, контакт с вероятным союзником по спасению СССР поддержать надо.

— Хочу, — сказал я. — И вообще, предлагаю вам дружбу!

— Спасибо, — улыбнулся аспирант. — Я с удовольствием. У вас есть телефон?

Телефон у меня был, но явно не тот номер, какой в XXI веке. В общем, я не знал, своего номера. Поэтому сказал:

— Нет телефона.

— Тогда вот моя визитка... — Аркадий протянул прямоугольную бумажку. Ишь ты, фифа какая, визитки завёл себе даже! — Позвоните через два-три дня, пожалуйста. К тому времени я сдам ещё и талоны появятся.

Мы распрощались.

Лишь после этого я взглянул на карточку и увидел там: «Кофтёнкин Аркадий Яковлевич».

Ё-моё! Это с кем я связался, выходит?! Это ж местный недоолигарх, который тут

ураганить в девяностые придется!

Как такой тип получился из коммуниста, историка КПСС?! Не понимаю, решительно не понимаю...

* * *

В макулатурном отделе книжного я долго-долго рассматривал корешки — и всё ничего не мог выбрать. Наконец, продавщицу спросил:

— Извините, а есть у вас что-нибудь про попаданцев?

— Про кого? — удивилась та.

— Про попаданцев... Ну, то есть, чтобы кто-нибудь из нашего мира попал в прошлое или в другой мир и там приключался...

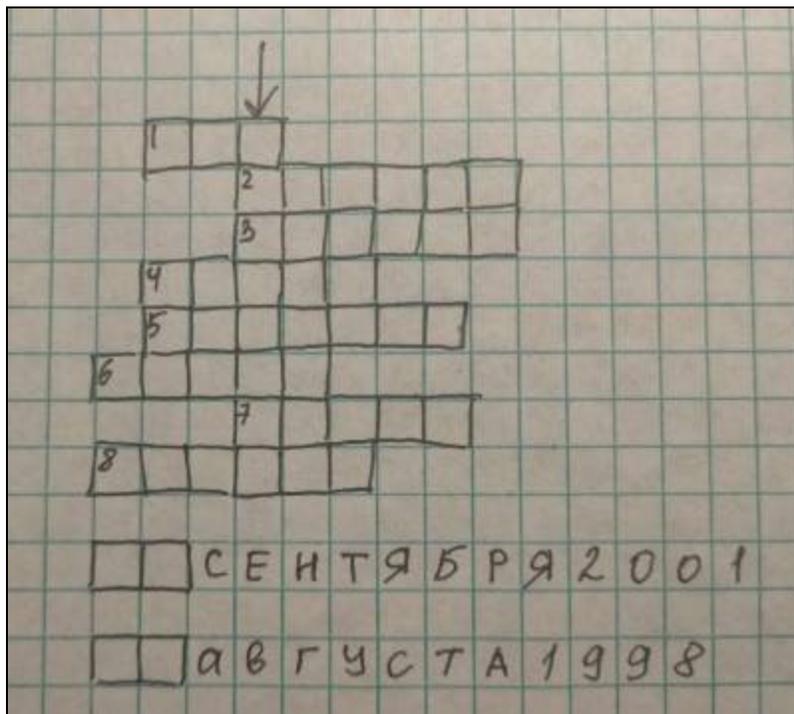
Продавщица попалась хорошая: даже не нахамила! Более того — помогла. Через пять минут она положила передо мной две книги — «Трудно быть богом» Стругацких и «Иван Васильевич» Булгакова.

Я не очень-то уважал этих авторов, потому что слышал, что они были антисоветчиками. Но тут же подумал: ведь книги антисоветчиков это редкая, дефицитная штука! Значит, надо брать! Если что, потом толкну дороже.

Придя домой, я тут же вынул странную листовку.

Как уже говорилось, на ней был кроссворд. Только очень неуклюжий, самодельный.

Вот такой:

А вопросы были следующие:

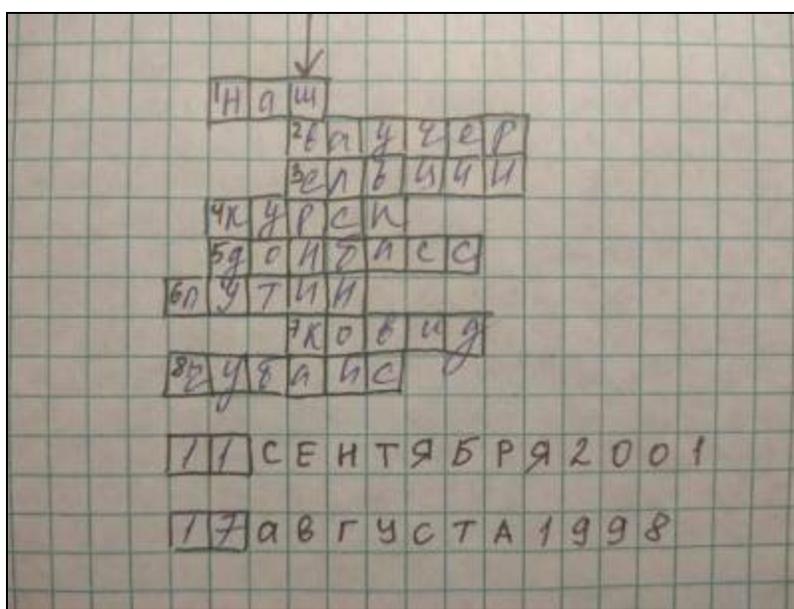
1. Чей Крым?
2. Приватизационный чек.
3. Он устал и уходит.
4. Она утонула.
5. Бомбили восемь лет.
6. Если не он, то кот.
7. Болезнь-19.
8. Во всём виноват.

К двум парам клеточек снизу вопросов не было: видимо, предполагалось вписать туда нужные цифры и так.

Для человека из 1983 года это была задача, конечно же, неподъёмная.

Но я словно был как раз тем, для кого она предназначалась!

Пять минут спустя так называемый кроссворд был мной разгадан. Вот что вышло:

Если читать столбик букв, на который указывала стрелочка вверху, то выходило «Шверника». Шверник... Кажется, это был какой-то советский чиновник. А «Шверника 11–17» чертовски напоминало какой-то адрес: улица, дом и квартира.

Я понятия не имею, что меня там ждало, но ждало оно там именно меня!

Сунув листовку в карман, я помчался на улицу. Надо было срочно купить в ларьке Союзпечати карту города и выяснить, где находится улица Шверника.

На звонок в дверь сначала никто не ответил. Я нажал кнопку ещё раз. Тогда за дверью раздались шаги, и кто-то с опаской спросил:

— Вам кого?

— А я ваш кроссворд разгадал, — сказал я.

— Да? — за дверью оживились. — Тогда перечисли всех президентов России.

— Ельцин, Путин, — сказал я, не думая.

— Так ты из нулевых? — спросили из-за двери.

— Почему?.. А, да, еще Медведев был!

— И всё?

— Всё.

— Откуда же ты тогда знаешь, чей Крым?

Я задумался.

— А! Ну потом опять Путин.

— Ну то-то же. Так уже лучше. Четыре их было. А дальше?

— Не знаю! Вот честно, не знаю! А что, дальше ещё кто-то будет?

Эта мысль показалась неожиданной и странной. Власть, что, сменится однажды?

Тут щёлкнул замок. Дверь открылась.

— Я просто для себя хотел узнать, — сказал стоящий на пороге мужик. — Типа вдруг ты из тридцатых или дальше. Вдруг ты знаешь.

— Я из 2022-го.

— Понятно. Ну что ж, заходи.

* * *

На кухне меня встретил синедрион из троих мужиков в одинаковых майках-алкоголичках. Четвертый, открывший мне дверь и присоединившийся к ним, носил тельняшку. На вид ему было лет сорок, и мне сразу почему-то показалось, что он в этой компании главный. Самым старшим был худой мужик с большими синяками под глазами — ему явно перевалило за семьдесят. Третий был совсем юношей, но с очень мрачным, каким-то совершенно не молодым выражением физиономии. Возраст четвёртого я определить затруднялся, так как тот был жутко толстым, а толстяки, как известно, часто выглядят старше своих лет; впрочем, думаю, что пятьдесят ему точно уже исполнилось.

Мне налили чаю. Предложили табуретку.

— Он из 2022-го, — сообщил всем открывший мне дверь человек. — Кстати, как тебя звать-то?

— Серёга.

— Ну, привет, Серёга... Что там у хохлов-то?

Я кратко рассказал.

— А доллар как? Не гикнулся ещё?

Сообщил им про курс.

— Ну а в целом?

— Да в целом всё то же, — ответил я. — Только хуже всё и хуже помаленьку.

— Мы тут так и думали, — сказали мужики.

— Так кто вы все такие-то вообще, а?

— Как и ты — попаданцы.

Выяснилось, что мои новые знакомые тоже прибыли сюда из будущего. Кроссворд они составили и распространили с целью найти своих современников, которых, как оказалось, в СССР напало как репьев в собачий бок. Как я понял, в этой квартире они организовали что-то вроде коммуны — вместе жили, помогали друг другу осваиваться в чужом времени, сообща прогрессорствовали и планировали то, как скорректируют будущее страны и своё собственное.

— Вот всех наших соберём — и будет сила! В одиночку-то человек мало что поменять может. А если нас, людей будущего, тут человек сорок соберётся, а то и сто... — мечтательно проговорил самый толстый. — Вот тогда мы покажем дурацкой истории, кто тут хозяин!

— Так значит вы все тут для того, чтобы поменять историю страны? — спросил я.

— Кто как, — ответил юноша. — Главным образом, свою. Но страны, впрочем, тоже. До кучи.

— А как вы сюда попали?

Оказалось, все по-разному. Но в общем, в нашем мире они все уже покойники: кто попал в катастрофу и внезапно обнаружил себя в чужом теле и в чужом времени; кто умер от болезни, кто — от старости; так или иначе, всем неведомая сила посчитала нужным дать второй шанс...

Получалось, я один, кто оказался здесь живьём и в своём теле. Хотя... Кто его знает? А вдруг мне так кажется? А вдруг при переходе через дверку-из-кастрюли я как раз-таки и умер?.. Просто пока сам не понял этого...

Тут поразила ужасная мысль: а вдруг я в аду?! Вокруг покойники, как выбраться — не знаю... Может быть, конечно, это рай... Но сомневаюсь, чтобы в раю мать отказывалась готовить мне борщ, за палку колбасы приходилось бы выстаивать целую очередь, а вместо Интернетика с Ютубчиком имелось бы всего лишь два канала, по которым идут танцы Мозамбика и «Сельский час»...

— Давно здесь? — прервал размышления толстый.

— Да несколько дней.

— И как, нравится?

— Просто супер, — сказал я, чтобы не выглядеть продажным либералом. — Я всегда мечтал тут оказаться.

Попаданцы закивали. Оказалось, они тоже все мечтали о жизни в СССР. После падения советской власти член ни у кого из них уже не вставал.

— И как вы тут живёте? — спросил я. — Чем занимаетесь?

— Да кто чем, — ответил юноша. — Вот я студент-медик.

— Людям хочешь помогать?

— Ну... Там посмотрим. Просто дело в том, что я был врачом в своей прошлой жизни. Но плохим врачом. В институте толком не учился, только пил да за девчонками ухаживал. Еле-еле до диплома дотянул. И пошёл, дурак, по специальности работать... В итоге нескольких пациентов залечил до смерти. Один из них не из простых оказался, так его родня меня за это киллеру заказала... Я умер, а потом очнулся здесь. Опять студентом, в теле

своего однокурсника. Теперь моя задача — всячески заставлять учиться того, настоящего себя, чтоб из него хоть приличный специалист вышел. В общем, я в друзья к нему набился. Пытаюсь влиять, рисовать перспективы светлого будущего...

— Может, трудно ему просто? — спросил я. — Мне вот в школе химия не давалась. Может, ему тоже не даётся?

— Ну, с этим я ему не помощник. Я когда учился? Тридцать лет назад.

— Ты ж сказал, сейчас учишься.

— Я сказал, что я студент. Учиться некогда! Надо прошлого себя заставлять это делать. А мне самому погулять надо, повеселиться! Пока печень молодая всё прощает! Да и девок еще сколько неоттраханных! Кстати, надо эту, новую, отбить у меня прежнего... Ну типа чтоб учиться не мешала...

— Понятно, — сказал я и обратился к толстяку: — А ты что делаешь?

— Я веду здоровый образ жизни и пользуюсь вторым шансом, — ответил тот.

— В смысле?

— Ну, знаешь, я в той жизни умер от ожирения. В последний миг взмолился всем богам, чтоб второй шанс дали. Ведь обидно же подохнуть от того, что много жрал!

— Да не то слово.

— В общем, кто-то из богов меня услышал и пожалел. Очнулся я тут, в новом теле — молодом, здоровом, стройном...

— Стройном?

— Ну да. Знаю-знаю, я немного поднабрал за эти годы! Ничего, я скоро сброшу! Вот начнется Перестройка, жрачка кончится — и точно похудею уж! А пока у меня дело поважнее: надо срочно написать гениальную книгу, в которой предупредить всех о том, что СССР распадётся.

— И как думаешь, скоро закончишь?

— Я спешу изо всех сил! К счастью, в журнале «Вопросы кролиководства», где я работаю, как раз есть пишмашинка. Всё рабочее время стучу по ней, если не ем!

— Ну меня была такая же идея, да только вот пишмашинкой не обзавёлся. Я надеюсь, твои планы осуществляются, — ответил я и обратил вопрошающий взгляд на того мужика, что открыл мне дверь.

— А я на автозаводе работаю, — сказал тот. — Машинки собираю, стало быть. Ну как собираю? Очень меня, понимаешь ли, беспокоит судьба Отечества. Так что собиранием автохлама я стараюсь заниматься как можно меньше. А побольше размышлять о том, почему же распался СССР. Иногда удаётся весь рабочий день на это использовать...

— Ну и почему же он распался?

— Я пока не понял. Чую, дело где-то в экономике... Но точно не скажу пока. Чтобы скорее ответить, я решил задать этот вопрос компьютеру. Натащил уже с работы запчастей, скоро начну из них конструировать ЭВМ... Заодно и систему ОГАС помогу внедрить.

— Если честно, меня тоже очень волнует вопрос сохранения СССР, — сказал я. — Может быть, у вас есть мысли: как бы нам предотвратить его распад?

Попаданцы все хором вздохнули. А потом сказали:

— Это бесполезно.

— Мы пытались.

— Вон, у Вовчика спроси.

Вовчиком назывался четвёртый из попаданцев, семидесятилетний старик. И вот что он

поведал мне:

— Когда в девяносто девятом году я умер, то твёрдо знал, что в распаде СССР, случившемся за десять лет до этого, виноваты генсек Киров и выращенное им поколение чиновников. Поэтому, когда после смерти я внезапно обнаружил себя в 1934 году, то решил спасти страну и уничтожить изменника делу Ленина-Сталина. Я нашёл неуравновешенного партийца по фамилии Николаев, убедил его, что Киров спит с его женой, и подговорил убить этого будущего наследника Сталина. Николаева расстреляли, а вслед за ним — Зиновьева, Каменева, Бухарина и других старых большевиков, про которых я знал, что они в будущем тоже будут способствовать тому, что СССР станет развиваться не тем путём. После войны мне уже казалось, что всё отлично и нашей стране ничего не грозит. Но тут умер товарищ Сталин, а к нам попал Витёк, — он указал на толстяка, — и рассказал, что Берия унаследует власть, подружится с Западом, выпустит из тюрем врагов народа и так развалит СССР. Пришлось написать на него донос, что он шпион всех разведок одновременно. К счастью, его расстреляли...

— И тогда пришёл Хрущёв?

— Ага, он самый. Мне казалось, что он возвращает социализму его истинный, молодой дух. Но тут к нам попал Гена, — он указал на строителя ЭВМ. — И рассказал, что Хрущёв всё развалит. Тогда нам удалось наладить контакт с председателем Президиума Верховного совета Брежневым. Мы убедили его организовать заговор и свергнуть Хрущёва, а затем взять власть. В правление Брежнева всё шло неплохо. Нам удавалось держать его под влиянием и делать через него социализм всё более и более развитым: водка оставалась по 4-12, за прогулы не сажали, родню на работу удобно пристраивать было...

— И все нас боялись! — добавил я с удовольствием.

— Да. В общем, жил и давал жить другим. Но к началу 80-х почему-то оказалось, что товаров в магазинах всё меньше, а отставание от Запада — всё очевиднее. Мы решили, что с этим, конечно же, справится человек из XXI века, и убедили Брежнева назначить своим преемником председателя КГБ Андропова, в которого как раз недавно попал один наш парень...

— Что?! Андропов — попаданец?

— Да, он наш. Ему трудно справляться с советской реальностью, так что иногда он даже признаётся, что не знает той страны, в которой живёт. Мы с ним постоянно держим связь. Недавно он сказал, что сильно болен и, наверное, умрёт. Но он, мол, нашёл хорошего молодого секретаря, который уж непременно спасёт СССР и от загнивания, и от распада, и от ядерной войны. Наш Андропов открыл путь для карьерного роста этого секретаря и видит в нём своего преемника. Тот выдвинул умную мысль — для спасения СССР его надо перестроить. Вернуться к ленинизму настоящему. Ну, короче, Горбачёв его фамилия...

— Горбачёв?! — воскликнул я. — Да этот чёрт союз-то и развалит!

— Вот и Вася так сказал, — ответил Вовчик, кивнув на студента-медика. — Он всего полгода как из XXI века, так что знает историю в самом новейшем её варианте. Вася говорит, что надо срочно убрать Горбачёва и выдвинуть в генсеки кого-нибудь типа Брежнева, чтобы обратно вернулась стабильность. Сулов умер, Пельше умер... Ну, не знаю... Ну, Черненко, если только... Можно, конечно, попросить нашего Андропова, чтобы задвинул Горбачёва обратно, а Черненко помог бы продвинуться... Но у меня, если честно, уже руки опускаются! Что ни делай — всё одно и то же получается!

Я провёл у попаданцев ещё пару-тройку часов. Рассказал им о ситуации в моём времени, послушал о способах выживания в этом. Меня пообещали познакомить с полезными людьми, готовыми помочь с приобретением радиодеталей, зимней обуви и мясных продуктов. А ещё у этих типов были пельмени! Так что со всей уверенностью могу сказать: я пришёл к попаданцам не зря.

Потом оказалось, что, кроме четверых общавшихся со мной, в квартире живут и другие путешественники во времени. Со двора пришёл мальчишка лет одиннадцати, громко объявивший, что смог подтянуться уже восемь раз, а это значит, что к девяносто второму году, к началу приватизации, он уже накачается так, что сумеет легко набить морду Гайдару и отобрать у него обратно свои гробовые. Потом явилась баба с двумя сумками провизии. Бабу звали Толиком. Увидев меня, она предложила пофилософствовать над вопросом, должен ли бывший десантник стирать и убирать за пятерыми мужиками лишь потому, что попал в тело бабы. Я сказал, что должен, потому что это скрепа. Потом я спросил, какие ещё женские обязанности выполняет Толик по отношению к попаданцам, имея в виду, не его ли руками пельмени слеплены. Но Толик почему-то разозлился и общаться со мной дальше отказался.

Все мои планы спасения страны новые знакомые отмели как бесперспективные, а про план с устранением Петрова и вовсе сказали, что он идиотский. «Ну и хрен с вами, — подумал я. — Сами вы все идиоты!». Вообще говоря, чем дальше, тем меньше мне нравились эти ребята. Почему-то они считали себя самыми умными и достойными решать всё за других лишь потому, что родились немножко позже. Не стал бы я читать про таких книги, ох, не стал бы!..

Чтобы извлечь максимальную выгоду из этого визита в клуб ничтожеств, я спросил, нет ли у попаданцев каких-нибудь вещей из их времён. Мне дали обёртку от «Сникерса», пару носков, разрисованных розовыми фламинго и спутанные наушники. Я попросил разрешения взять всё это себе — якобы для того, чтобы ностальгировать по родному веку. На самом деле эту кучу редкостей я планировал отдать на реализацию Ирине: не только ради заработка, но и ради повода ещё раз повстречаться с ней. Кроме того, обладание дополнительными импортными вещами наверняка должно было сделать меня более привлекательным партнёром в её глазах.

Дорогой до дому я думал о том, что советский мир оказался всё-таки слишком уж неприветлив ко мне. Я и так был здесь словно рыцарь, явившийся спасти принцессу и узнавший, что она уже давно и счастливо замужем за драконом! А рассказы этих болванов про то, что это, оказывается, они организовали всю нашу бестолковую историю вместе какой-то другой, ещё более бестолковой, очевидно, совсем выбили меня из колеи. Если спасти СССР, как они говорят, действительно невозможно, то что я здесь делаю? Зачем я торчу в этом мире? Для того, чтоб собирать макулатуру, стоять в очередях и смотреть на Слюнькова-Зайкова-Воротникова по телевизору? Да ну нафиг! Лучше я при Путине помучаюсь... Ладно, даже готов и при Ельцине! Там хоть телек был поинтереснее. И журналы с голыми тёлками продавались.

Дома я сразу же позвонил Ирине. В этот она трубку сняла. Не без труда, но я смог напроситься к ней в гости — под тем предлогом, что принесу ей новые импортные

штуковины. Договорились на завтра — и я стал считать часы до весьма вероятного секса...

Ирина рассказала, на каком трамвае можно к ней доехать. Но я пошёл пешком: во-первых, размяться, а, во-вторых, найти клумбу с подходящими цветами. Дарить букет, в котором девушка узнает озеленение придомовой территории парня или, еще хуже, растительность с собственного двора, было бы недальновидно. Я же был человеком расчётливым и, кроме редкостей из будущего, припас горсть ириса с игривым названием «кис-кис» и обработанный силиконом, проверенный электроникой резиновый презерватив за 10 копеек. В общем, к свиданию я подготовился. Даже дорогой придумал красивую фразу, с которой вручу букет.

— А это вам, сударыня, скромный презент от ценителя красоты, — произнёс я её, когда дама открыла дверь.

— Ишь ты! Ну спасибочки, — ответила Ирина почему-то без восторга.

Жила она в двухкомнатной квартире с отцом, который был то ли в рейсе, то ли в какой-то командировке. В общем, мы оказались один на один. Замечательно!

Зная, что девушкам нравятся наглые и решительные мужчины, я решил действовать напористо и сразу же полез целоваться, аргументировав это тем, что на Западе при встрече так здороваются все. Ирина не поверила. Впрочем, отбивалась она не очень активно: думаю, просто заманивала меня. Так что я решил не отменять, а лишь отложить наступление. Наверно, Ирина чувствовала бы себя падшей, если бы уступила желанию отдаться мне сразу же. Поэтому я решил для приличия сперва побеседовать о делах.

— Ну как там мои вещи, продаются?

— Пока не очень, — смущённо бросила девушка, отведя взгляд. — Ты вот, знаешь, через месяц позвони...

— А я ещё принёс!

Из полученных у попутчиков сокровищ Ирина согласилась взять на реализацию только носки. Наушники не заинтересовали её вовсе. А вот обёртка от «Сникерса» вызвала острое любопытство, напоминающее священный трепет. Я сам помню это чувство, когда в возрасте примерно шести лет впервые узрел импортную конфету, такую инопланетную и не похожую на привычные отечественные батончики.

— Что здесь было?

— Шоколадка.

Ирина с недоверием оглядела буржуйскую упаковку со всех сторон.

— Не похоже на обёртку шоколадки, — произнесла она, завороченно обводя пальцем вызывающие английские буквы. — Может, тут другое что-то было?

— Может, и другое, — сказал я, чтоб поддержать интригу.

— Откуда у тебя эта бумажка? И всё остальное?

— Поцелуешь — расскажу, — ответил я.

— Прекрати!

— Не хочешь — не узнаешь.

Ирина с демонстративным неудовольствием приблизилась ко мне, сидящему в кресле, и чмокнула в щёку. Я тут же обнял её за талию и усадил к себе на колени.

— Ну?

— Что «ну»?

— Бумажка откуда? Рассказывай! Что, тоже академик Сахаров подарил?

— Солженицын из Америки прислал.

— Ну Сергей! Я серьёзно.

— Ну а что, прислал один приятель из-за границы! Что такого-то? Тебе же вот тоже печеньки Госдеп из Америки присылает.

— С тобой невозможно общаться! — сказала Ирина и попробовала вырваться.

— Просто не стоит общаться на скучные темы, — сказал я игриво. — Кстати, я знаю гораздо более интересный способ общения, чем словами!

— Ну отстань!

— Хорош ломаться.

— Отстань, говорю!

— Ты не бойся. Я нежный и аккуратный. И я много фильмов про это смотрел, я умею!

— Прекрати уже! Серьёзно.

Тут я наклонился над ухом Ирины: хотел прошептать, что у меня есть дефицитный презерватив, так что всё будет безопасно, по-буржуазному... Вдруг на кухне закрипели половицы, и я замер.

— Кто там ходит? Отец, что ль, вернулся?

— Да он через два дня только вернётся, — пробормотала испуганная Ирина. — Дверь не открывалась, мы б услышали...

В следующую секунду с кухни донёсся какой-то грохот: словно кто-то стукнул дверью шкафчика или принялся отбивать мясо.

— Блин, я там окно не закрыла! — сказала Ирина чуть слышно. — Вор залез! Среди бела дня! Чёртов первый этаж!..

— Милицию звать надо.

— Телефона нет.

— Тогда беги к соседям!

— На работе все...

— Ну тогда беги, звони из автомата!

— Я боюсь... Они меня заметят...

— Они наверняка сразу же убегут, как только увидят, что здесь хозяйка.

— Ага, конечно! Или укокошат.

— Да ну, прям уж! Мы же не в Америке какой-нибудь. В СССР нет преступности.

— Вот как? Ты б тогда пошёл и разобрался с ними.

— А я-то что?

— А кто из нас мужик?

— Кто-кто... Вот вечно вам, бабам от нас что-то надо... Ладно, сейчас я пойду и напощадам им. А потом вернусь, и ты мне дашь. Договорились?

Закатив глаза, Ирина фыркнула. Я решил, что это знак согласия.

Дверь на кухню была приоткрыта. Тихонько заглянув туда сквозь щёлку, я увидел внутри парня. Выглядел тот неопасно: вооружён вроде не был, телосложения был весьма хрупкого и озирался вокруг с таким видом, словно сам боится больше нашего. Недалеко от двери я заметил подставку с ножами: решил, что успею один из них выхватить, если придётся сражаться. Но скорее всего, я расправлюсь с этим дрищом и так, голыми руками. Скорее всего, это какой-то неудачливый поклонник Ирины, который решил, что залезть к ней в окно это романтическая идея. Сейчас я сообщу ему, что девушка уже занята...

Я открыл дверь и встал на пороге с хозяйским видом.

Парень дёрнулся и вперился в меня так, словно перед ним было какое-то экзотическое животное.

Ещё до того, как он успел что-то сказать, я увидел на плите кастрюльку с кипящей водой. Пар из этой кастрюльки поднимался таким образом, что формировал в одном из углов кухни очертание некой дверки...

А потом гость спросил:

— Извините, какой сейчас год?

— Тысяча девятьсот восемьдесят третий, — ответил я и пронаблюдал, как округлились глаза незнакомца. — А ты здесь откуда?

Я, конечно же, имел в виду, из какого он года. Но парень, приняв меня за местного, решил, что я спрашиваю, как он физически оказался на этой кухне:

— Я не вор, не в окно влез, не думайте!

— Я не думаю. Похоже, ты зашел через ту дверку.

— Безумно звучит, да?! Зашёл в дверь из пара! Но, представьте, это так и есть! А если я скажу вам, откуда я прибыл, то вы ни за что не поверите!

— И всё же попробуй. Глядишь, и поверю.

— Я пришёл из будущего... Только в психбольницу не звоните! Я серьёзно.

— Из какого года?

— Две тысячи двадцать второго.

У меня от радости дыхание перехватило. Современник! Родимый! Дверку мне домой открыл! Вернись! Вернись к себе!!!

Только теперь заболтать его надо... Отвлечь... Отогнать его от дверки и запрыгнуть... Может, если местным притвориться, это будет эффективнее? Если поймёт, что я тоже оттуда и жажду вернуться, он тут же уйдёт, и портал, вероятно, закроется. Может, он, конечно, тоже на троих... Но если нет?

— И как там, в XXI веке? — спросил я. — Коммунизм уже построили?

— Почти, — ответил парень.

— Что значит «почти»?!

— Ну у нас это... как его там... переразвитый социализм, вот.

Он, что, бредит? Издевается? Или специально говорит успокоительные фразы для человека из Андроповской эпохи? Думает, что я так лучше пойму его?.. Ладно, поддержу эту игру.

— С какой целью прибыли, товарищ времянавт? Хотите поделиться с нами опытом социалистического строительства?

— Если честно, нет, — ответил парень. — Я скрываюсь от призыва.

— От какого призыва?

— Да у нас там, понимаете, война идёт. Парней забирают. И мне вот повестка пришла.

— Быть не может!

— Казалось бы.

— А с кем это война-то?

— Нет уж, я вам не скажу. Вы не поверите. Если скажу, меня точно в психушку тут заберут... Сообщу вам одно: наслучалось такого, чего вы, советские люди, представить не можете!

Я улыбнулся. От этого паникёрского описания веяло чем-то уютным, родным и знакомым.

— Так что ж, — спросил я, — у вас все так от армии бегают? Скоро сюда, надо полагать, целый полк из XXIV века десантируется?

— Ну, полк это вряд ли. Люди больше в Казахстан бегут, в Монголию. У меня вот не вышло туда. Поделится со знакомой, она шарик мне дала. Сказала: в воду кинешь, закипит, и в другую реальность уйдёшь. Я сначала не верил, а вон оно как получается!

— Тут не очень-то весёлая реальность, — сказал я. — Интернета нет, мобильных нет. За всем вкусным надо стоять в очереди.

— Перекантуюсь какое-то время, — вздохнул призывник, не заметив того, что я знаю такое, что знать вроде как мне не полагается.

— Ну удачи, — сказал я. — Смотри, в Афганистан не загреми.

— Спасибо. Постараюсь.

— Лезь в окно — и вон отсюда!

— Э-э, постойте, это же моя квартира...

— Советская власть у тебя её экспроприирует. Вон, говорю!

— Да, блин, вы-то кто такой?

— А я тут главный. Не уйдёшь — я милицию вызову! Считаю до трёх! Раз...

— Ой, да чёрт с вами! — ответил путешественник во времени.

Он вылез в окно и ушёл.

Честно говоря, сам не знаю, зачем я так резко прогнал его. Кажется, этот дрищ пустил бы меня в свою дверку и по-хорошему. Наверное, просто хотелось какой-то победы. Показать ему, кто главный! А ещё почему-то подумалось, что Ирине лучше с этим товарищем не встречаться. Объяснять это всё ей, да больно надо... Да и мало ли какие временные парадоксы могут быть...

Впрочем, ну их всех! Ирку, Людмилу Васильевну, Костю, Кофтёнкина, попаданцев... Идите вы, товарищи, все лесом! И ты, Андропов, с ними же иди!

Прощай, скука, прощай, дефицит, прощай, собиранье макулатуры!

Компьютер! Я иду к тебе!

С удовольствием представив, сколько сообщений накопилось за эти дни во всех моих соцсетях, я переступил через порог паровой двери...

В этот раз перемещение во времени не сопровождалось загрязнением или очисткой кухонного гарнитура. Гарнитур просто сменился: вместо типично-белого советского стоял вырвиглазный оранжевый. Да и в целом кухня явно претерпела ремонт, даже, может быть, и не раз. Переведя взгляд с покрытого магнитами холодильника на кофемашину, я радостно выдохнул. Дома!

Ну то есть, почти дома.

Осталось лишь добраться до собственного жилья.

Я бы с радостью вылез через окно, как тот призывник, но за сорок прошедших лет на нём появились решётки. Значит, придётся ходить по квартире... Вот бы дома не было хозяев!..

Осторожно открыв дверь, я вышел с кухни. Попытался оглядеться в коридоре...

... И сразу столкнулся с какой-то противной старухой!

— Спасите-помогите! Террорист!!! — заголосила она тут же.

— Ты что, бабка, рехнулась? Какой я тебе террорист? — бросил я, приготовившись нокаутировать полоумную, чтобы спокойно уйти и не объясняться.

Тут внутри что-то ёкнуло.

— Ирина?! Это ты, что ль?

Бабка с удивлением посмотрела на меня. В её глазах мелькнул тот огонёк, из-за которого я к ней и приставал в той, прошлой жизни...

— А ты этот... как тебя звать-то?

— Серёга.

— Серёга... Тот хрен, что ко мне клеился когда-то. А потом напросился домой и внезапно исчез.

— Не забыла! — Я довольно улыбнулся.

— Да тебя уж не забудешь! — Бабка фыркнула. — Таких клоунов я больше не встречала ни до, ни после. Да ещё как вёл себя по-хамски...

— Ты, бабуля, тоже воспитанием сейчас не блещешь, — заметил я. — Зацени, кстати: ты старая, а я так и остался молодым! Неплохо, да? Хочешь узнать, как я так это сделал?

— Да насрать мне, — сказала Ирина. — Молодой и молодой. И хрен с тобой. Думаешь, что стоит этим хвастаться? Да как же! У вас, молодых, все мозги в Интернете! Знать ни черта не хотите, никого не уважаете! Тьфу на вас, наркоманы проклятые! Мы в вашем возрасте БАМ строили, трудились во благо родины... А вы на что способны? В телефоны свои пялиться?

— Ирина, какой ещё БАМ?! — Я расхохотался. — Да ты по диссидентским вечеринкам зависала и джинсы варила! Какой труд на благо родины?! Фарцовка, что ль, твоя? Кстати, продала мои одежды? Давай сюда выручку!

— У Чубайса попроси! — сказала бабка. — Накопления все сгорели в 90-е! Ограбили нас дерьмократы! Просрали страну — вот такие как ты вот!

— Как я?! Да ты рехнулась! Ты ж сама от Сахарова чёртова фанатела до Перестройки!

— Никогда я от него не фанатела! Мне твой Сахаров нахрен не сдался! Я с четырнадцати лет была в комсомоле! И в партию вступила бы, если б американцы не развалили всё!

— Блин, Ирина, ты сама всё и разваливала...

— Ничего я не разваливала! Я всегда была самым большим патриотом советской власти! Это такие, как ты, продались...

— Слушай, тебе же семидесяти нет еще, верно? И при этом ты уже в маразме.

— Сам ты в маразме, майдаун! Думаешь, не помню, как тебе при Андропове американцы джинсы передавали через агента? Тебя ещё тогда завербовали!

— Блин, да я это выдумал всё! Я тебе хотел понравиться, карга!

— Ага, рассказывай! Нет уж, друг ситный! Я ещё тогда и заподозрила, что ты из тех, кто Родиной торгует! А уж когда ты мне обёртку от «Сникерса» сунул поганого вашего...

— Да ты на неё смотрела во все глаза! Оторваться не могла! Гладила даже!

— Ну, рассказывай, конечно!.. Да я сразу поняла, что это дрянь! Мне и взглянуть-то на эту бумажку противно было!

Конечно, в мире Ирины прошло почти сорок лет, а не двадцать минут, как в моём, но то, что она так перевирает события, свидетелем которых был я сам, бесило жутко. Это, что, у неё старческое, что ли? Или врёт спецом? А может, издевается?

Впрочем, плевать. Я не стану с ней больше общаться.

— С меня хватит. Я пошёл отсюда.

— Давай, вали, пока милицию не вызвала! Скажи сперва только, где Ваня.

— Какой ещё Ваня?

— Да внук мой, понятное дело! Ему, вон, повестка пришла. Родину должен идти защищать. А он делся куда-то.

— За своими внуками сама следи, фарцовщица.

— Это была индивидуальная трудовая деятельность, — ответила бабка. — А фарцовкой я не занималась никогда. Я не такая.

— «Не такая»! Ну-ну, — фыркнул я. — До свиданья!

От входной двери было слышно, что в спальне работает телевизор. До меня донёсся голос Соловьёва. От него на душе стало как-то спокойно и по-домашнему.

Я шёл по родному городу и наслаждался родной эпохой. Какое же знакомое всё, милое, своё! Вот менты узбека окружили, документы проверяют. Вот буква Зна всё здание. Вот реклама мобильных. Вот скидки в «Пятёрочке»: на этой неделе три ванночки «Доширака» по цене двух. Живи и радуйся! Я хотел даже зайти было за лакомствами, насладиться отсутствием очередей, но вдруг вспомнил, что денег-то нет современных: я ж вообще их в путешествие не взял с собой. Ладно, вот приду домой — отъежусь. Там мать борщ, наверно, приготовила... Может, ей пенсию выдали, кстати. Куплю колбасы! Той самой, которой мне при Андропове не хватило.

Денег на проезд у меня не было, поэтому пришлось идти пешком — точно так же, как и тридцать девять лет назад, то есть, сегодня же, я шёл к Ирине. На клумбе, где я взял в тот раз цветы, теперь не водилось ничего, кроме сорняков. «Вот сволочи! — подумал машинально. — Всё повыврвали! А какая была клумба замечательная раньше-то, при советской власти»...

Добравшись до окрестностей своего дома, я поймал себя на том, как люблюсь на иномарки, высотные здания, рекламные вывески и прочие приметы буржуазного уклада. Проходя мимо книжного, где мне всучили стихи Николаса Гильена и куда я отволок двадцать кэгэ макулатуры, специально убедился — его нет больше! Теперь там «КОФФ» — Аркашки магазин, моего друга. А книг теперь хоть жопой ешь! Сейчас вот зайду на АТ, прочитаю седьмой том своей любимой саги «Бей жида-большевика»... И на форуме с друзьями потрындим. Обсудим, как классно в Союзе жилось и как Меченый всё развалил. Ну а что? Правда классно же! Девки вот были красивые... Мне почти дали.

Эх, что делать, люблю я об этом! Бабы вот о сексе говорят всё время, толстые о жрачке, педики — о гомосятине... А мне нравится говорить о прекрасном Советском Союзе. Такой уж человек я, по душе мне эта тема. И знаете, беседовать об этом много лучше получается, когда ты вне Союза, а не в нём.

* * *

Квартиру я открыл своим ключом. На первый взгляд, там всё было как прежде.

Правда, на второй оказалось, что мои сволочные родственнички успели тут похозяйничать. Вещей моих не было видно. Да, кстати, и мамкиных. Я залез в платяной шкаф, потом в комод: блин, всё чужое! Даже бельё моё суки успели повыкинуть! Книг, дисков, кассет тоже нету... Ну, конечно, бабка с дедом не читают, им зачем! А что диски и кассеты это, может, чьи-то детские сокровища, воспоминания о прошлом, им дела нет! Что ж за конченные предки у меня, а?

Хорошо, что я попал в момент, когда никого нет дома. А то ведь эти трое оккупантов ещё, пожалуй, меня бы и не пустили! Интересно знать, мамка-то где? Вдруг они её выгнали? Ладно, потом разберёмся.

Первым делом сейчас надо вот что: позвонить Велемире и попросить у неё ещё шарик, чтобы отправить всю эту кофлу обратно в застойные времена. Надеюсь, переписка с ней на сайте знакомств никуда не делась...

Я включил компьютер. Пока тот грузился, прошёл на кухню и сунулся в морозилку. Хотел хоть пельмени доесть свои, но и тут облом: то ли сожрали их предки мои драгоценные, то ли тоже выкинули как напоминание о надоедливом хозяине сего жилища. Ладно, фиг с ним! Навернул винегрета из миски, которую в холодильнике обнаружил. Съел сладкий творожный сырок: дорогой, как по виду! Вы его для себя берегли, дармоеды? А вот вам, утритеесь!

Вернувшись к компу, я увидел, что даже сюда эти сволочи лапами дотянулись. Обои в винде не мои, да и тема другая... Значки на рабочем столе все не те. Они, что, ещё и игры мои стёрли? Ну, блин, какого фига?! А вот эту дрянь зачем поставили?..

Я зашёл на сайт знакомств. Из моего аккаунта здесь тоже уже вышли. Зато был авторизован некто с ником Penetrator666. Интересно, это батя или дед? Все фотки левые. Хотел глянуть переписку и поржать, но потом плюнул: не до этого. Вышел из аккаунта, ввёл логин и пароль...

Пароль не верный.

Или логин.

Или оба неверны.

Так, я, конечно, давненько пароль не вводил, так что мог и забыть... Но, по-моему, у меня тут он такой же, как и всюду: stalin1937. Может, Сталин с большой буквы?..

Не подходит.

Я попробовал ещё несколько раз. Войти не удавалось.

Пришлось нажать «забыл пароль». Система попросила у меня почтовый ящик, я ввёл seregakolobkov@mail.ru... И с удивлением прочёл, что эта почта не зарегистрирована на сайте.

Очень странно... Точно, помню, что я регился с неё. Или, может, память всё же подвела меня? Попробуем другую... topol_m@pochta.ru... не подходит... mojem_povtorit@ya.ru ... нет, тоже мимо... boje_tzarya_hrani@yashichek.ru... Опять нет!

Чёрт, я ничего не понимаю! Почему все мои почты не зарегистрированы на этом сайте?! Я же на днях тут сидел! Надо что ль у Артёма спросить, моего одноклассника... Он в компьютерах шарит. Вконтакте обычно общаемся.

Я зашёл в «Контакт». Там тоже оказался чужой аккаунт — моей бабульки. Я из любопытства оглядел его и малость прифигел. Оказалось, что она уже нашла себе работу. И не просто работу, а точно такую же, как в старом мире, и даже лучше. Судя по всему, она снова работала монтажном колледже (в наше время он «колледж» уже!) и была там каким-то начальником по воспитанию молодёжи! Стена её была завалена рассказами о воспитательных мероприятиях для студентов и напоминаниями в духе: «1 курс! Одеваемся завтра теплее, идём все цветы возлагать, явка обязательна!». Ну вот она быстрая, а? Похоже, что вообще по коммунистам не скучает...

Впрочем, пофиг. Мне её аккаунт ни зачем вообще не сдался. Выхожу. Ввожу почту, пароль...

«Пользователь с таким e-mail не зарегистрирован».

Офигела, машина буржуйская?! Что значит «не зарегистрирован»?! Уж под какой почтой Вконтакте сижу, я же точно знаю! Может, глюк какой? А ну-ка, «Одноклассники» попробую...

В «Одноклассниках» меня встретил аккаунт деда. Оказалось, он теперь трудился менеджером в конторе по перепродаже запчастей — типа таких, что производили когда-то в

его цеху. Ничего не понимаю! Как успел? Как его взяли без опыта? Вон, меня даже младшим помощником взять не хотят, заговорщики чёртовы... Ладно, «выйти из аккаунта»... Почта, пароль... И опять не подходит!

Да что, блин, такое?!

Может, почта самая полломалась?

Я зашёл на каждый из почтовых сайтов, попытался зайти в свои ящики, но всюду получил один ответ:

«Этого ящика не существует».

Да что ж это такое?! Предки, что, все мои почты удалили? Быть не может... Я, конечно, был зол на них очень, но понимал, что даже самые ярые враги, попав в чужое время, вряд ли в первую очередь стали бы заниматься подобным... Здесь было что-то не так...

Кстати, клавиатура у компьютера какая-то чистая непривычно. И экран как будто больше моего. Может, я просто отвык от компа за своё путешествие? Или этот комп просто другой?.. А мой-то где?..

Уже чувствуя неладное, я сунулся в ящик стола, где обычно хранились все документы. Паспорта не было. Паспорта матери — тоже. Мой школьный аттестат со всеми тройками тоже как испарился. Да быть не может! Вместо наших документов тут лежала просто куча чужого хлама.

Чёрт, если эти нелюди действительно всё выкинули, в суд на них подам! Надо посоветоваться с Федей Ямщиковым, он юрист... Телефон его был вроде где-то... О, кстати! Телефон же! Я в СССР не брал мобильный! Надо срочно найти его. Там и Велемиры номер должен отложиться, так что я найду её без сайта...

Если, конечно, мобильный смогу отыскать.

Пошарив в тех местах, где обычно оставлял свой смартфон, я обнаружил чужие очки, неизвестное мне лекарство, чистоту в таких местах, где её не было, отсутствие наклейки от банана и царапины на кухонных часах... Смартфона не нашёл.

Решил со стационарного позвонить себе.

Набрал номер, услышал гудки. Навострил уши, приготовившись искать устройство там, откуда донесётся «Волховская застольная»... Нифига.

Вдруг на том конце кто-то снял трубку.

— Алло, — сказала женщина. Голос её мне знакомым не показался.

— Алло, — ляпнул я, потому что не знал, что сказать.

— Да! Слушаю.

— Вы кто?

— А кому вы звоните?

— Если честно, я звонил себе. Я набрал номер своего мобильного, потому что ищу его дома, — признался я.

— Это мой мобильный, а не ваш, — сказала незнакомка. — Всего доброго.

— Постойте! Извините! А давно он у вас, этот номер?

— Лет десять. А что?

— Да так просто...

— В общем, вы ошиблись номером. Прощайте.

Я повесил трубку.

Нет, номером я не ошибся. Набрал всё как надо.

Кажется случилось то, в чём я долго боялся себе признаться...

Предки застали меня на кухне едящим колбасу прямо от палки под кока-колу. Мне, конечно, эти глупые американские напитки совсем не нравятся, но раз нашёл у врагов — надо выпить.

— Батюшки! — заголосила баба Маня. — Вор, здесь вор! Вызывайте скорее полицию!

— Какой я вам вор? — Огрызнулся я. — Что, обалдели? Это вы как раз и воры! Я полноценный хозяин квартиры!

— Ну-ну, молодой человек, позвольте! — ответил дед. — Это частная собственность! Могу выписку из ЕГРН представить. И наши паспорта. Мы тут все зарегистрированы!

— Издеваешься, хрен старый!? — вскричал я.

Он, конечно, был еще не старый. Выглядели мы примерно ровесниками. Но меня взбесило, как мой дед из Страны Советов быстро освоил теперешнюю буржуазную лексику.

— Моя это квартира! Ясно вам?! Моя — и моей мамки! Кстати, вы куда её девали, признавайтесь! На улицу выгнали, ироды?!

— Коля, он сумасшедший, звони 112, — сказала ещё раз бабка.

Я поспешил заслонить собой телефон, но в следующую секунду сообразил, что мечтать, что у деда и бабки нет сотовых, глупо.

— Молодой человек, вашей матери мы не знаем, — ответил дед. — И вас не знаем тоже. Вы ошиблись. Что-то спутали.

— Это вы попутали, уроды! — крикнул я. — Притворяетесь, да?! Несколько дней всего прошло с того момента, как я к вам попал на кухню! Вы же сами меня про жизнь в XXI веке расспрашивали! Про кроссовки, джинсы, колбасу! Это ж вы мой портал отобрали! В моё время перешли, а меня бросили в застое, блин, андроповском!

— У вас бред, — сказала бабушка.

— Ну конечно! Когда я был пришельцем из светлого колбасного будущего, ты со мной совсем иначе разговаривала, правда, баба Маша?

— А на «ты» мы с вами не переходили. А уж пытаться оскорблять женщину, сказав глупость о её возрасте, это просто ниже некуда.

— Да я не оскорбляю! Ах, да, вы не знаете! Короче. Я ваш внук! Понятно вам?! Слышишь, ты, Юрка? Я сын твой! И кстати, вы все давно умерли.

— Так, — сказал дед. — Всё, довольно. В самом деле, пора звать полицию и неотложку.

Он достал мобильный и набрал в нём 112. Потом на полном серьёзе продиктовал им наш адрес и сообщил, что в квартире психованный незнакомец. Я услышал, как из трубки отвечали: «Наряд выслан».

За прошедшие дни я уже достаточное количество раз попадал в ментовку. Больше не хотелось. Тем более, что что-то мне подсказывало: своего друга Рожкова я там не встречу.

Так что я рванул к двери и убежал.

Смылся, как вор, из своей же квартиры...

* * *

Бредя куда глаза глядят, я думал: интересно, меня в самом деле предки не узнали? Или

просто притворились так из подлости? Сговорились: «Как вернётся времянавт, всем тут же сделать вид, что знать не знаем, кто он такой есть! Вызываем милицию и выживаем его из квартиры»... А что? С них бы стало...

Ладно, это теперь уже даже не важно. Важно то, что я бомж. И то, что меня, получается, не существует. Ну, естественно, батя и мать разминулись — и всё, и привет... Хотя, если нет меня, кто это думает? Кто сейчас идёт мимо «Пятёрочки»? Видимо, кто-то такой, кому больше нет места в текущей реальности...

Вот, блин, ухмылка судьбы! В своём собственном времени я оказался в ещё большей степени попаданцем, чем в СССР. Там-то у меня жильё хоть было, деньги даже. А здесь...

Так-так, стоп!

Попаданцы!

Если мне нет места среди, скажем так, легальных аборигенов наличного мира, то, может, в попаданческую коммуно подать? Поселюсь с времянавтами. Тем более, у них там есть пельмени!

Приободрившись, я взял курс на улицу Шверника.

На мой звонок в квартиру № 17 сперва, как и в тот раз, никто не ответил. В ответ на второй раздалось неуверенное:

— Кто там?

— Я разгадал ваш кроссворд, — сказал я. — Между прочим, давно уже.

— Вот как! — Голос оживился. — Назови тогда всех президентов России.

— Ельцин, Путин, Медведев и Путин, — ответил я тут же, наученный опытом прошлого раза.

— А дальше?

— Дальше я не знаю, говорил же.

— Если ты не знаешь, кто был дальше, как тогда ты кроссворд разгадал? — удивлённо спросили из-за двери.

— В смысле? Взял да разгадал. Понятно ж всё.

— Понятно, ишь ты... Ну скажи тогда, что было 28 мая 2033 года.

— То есть — было? Это ж будущее!

— Естественно, будущее! Потому-то я об этом и спросил! Так что, ты знаешь?

— Я ж не Нострадамус.

— До свидания.

— Эй, нет! Стойте, стойте, стойте! Откройте, пожалуйста!

— Ты не из наших.

— Я из ваших! Тоже попаданец!

— Попаданец, говоришь... — За дверью хмыкнули. — Ну ладно.

Лязгнул замок. На пороге стоял незнакомый мужик — совершенно не тот уже, что был в тот раз, не с автозавода.

— Память, что ль, отшибло? — спросил он. — Из какого ты года?

— Из 2022-го, — ответил я машинально.

— Ты дурак, что ль? Этот год сейчас и есть!

Мужик попытался закрыть дверь, но я ему не позволил.

— Нет-нет-нет, товарищ! Я из 1983-го!

— Ты уже определись, что ль... Кстати, шмотки у тебя и правда древние. Ты где такие взял?

На мне всё ещё был прикид деда из старых времён.

— Понимаешь, мужик, тут всё сложно... Я, по идее, отсюда. Ну, раньше отсюда был. Потом попал в андроповское время. В теперь вот вернулся обратно, а тут всё пропало. Прикинь, нет ни мобильного, ни паспорта... Вообще ноль! Я теперь тут как бы не родился.

— Ясненько, — ответил незнакомец. — Ну, сочувствую. Только у нас здесь не какое-то там общежитие тех, кто в парадокс во временной попал. Тут серьёзные люди сидят. Мы все из второй половины ХХІвека. И делом заняты. Российскую Федерацию спасаем.

— А чё её спасать-то? Чё ей будет?

— То и будет! Увидишь потом... Эх вы, предки, не ценили, что имееете...

— Так ты вступишь? Слушай, я готов спасать всё, что угодно! Я и Киевскую Русь могу спасти... от этих... половцев!

— Не-а, — ответил привратник. — Ты нам не годишься. У тебя послезнания нету. И

вообще, такие вот как ты в начале века всё испортили! Эх, а ведь такое было время!..

Изгнанный со Шверника, я не придумал ничего лучше, как потащиться обратно к своему дому. Перебирал в голове варианты, как выжить деда и бабу. Надеялся всё-таки где-нибудь встретить мать: если её выгнали, то вряд ли она ушла дальше, чем к соседям. В конце концов, меня просто тянуло к родному месту: идти туда было, конечно, глупо, но шляться по незнакомым районам на ночь глядя — ещё глупее.

На скамейке возле своего подъезда я обнаружил Людмилу Васильевну. Она была седой, мрачной и сморщенной — в общем, именно такой, какой я и привык её видеть.

— Серёга! Ты, что ль?

— Ну здравствуй! Как ты так не постарел-то?

— А что, должен был?

— Да вроде как никто не должен, да однако ж все стареют. Кажись, ты такой же лет сорок назад был! Это ведь ты мне с коляской помог тогда, да?

— А! — Я ухмыльнулся. — Не забыли.

— Да уж как тебя забудешь! Ты мне такого тогда наболтал, у меня едва волосы дыбом не встали. Так что помню. Я в маразм ещё не впала.

— А как милицию вызвали — помните?

— Помню, помню, Серёженька. Ты уж прости меня, дуру такую! Испугалась я очень. Где это видано: приходит новый знакомый в гости и тут же на власть бочку катит... Но тебя ведь опустили? Ты ведь эти сорок лет в тюрьме не пробыл? — бабулька обеспокоилась.

— Нет, не пробыл. В тот же день меня и выпустили.

— Ну и слава Богу. Где ж ты был?

— Да долгая история...

— Торопишься?

— В общем-то, нет.

Торопиться мне некуда.

— Присядь тогда со мной, — сказала бабка.

Я присел.

— Объясни мне, Серёга, какое-такое тут чудо. Вот жили себе Колобковы. Потом вдруг исчезли и ты в их квартире возник. А потом ты тоже сгинул. И ни слуху, ни духу про всех вас. Сорок лет квартира пустовала. И вот снова Колобковы появляются! И точно такие, как были, ни капли не постарели! Юрка всё ещё школьник, Петровна моложе меня... А теперь вот и ты объявился! В морозильнике вас, что ли, всех держали? Или что? Неужто это всё... машина времени?..

— Она самая, — сказал я равнодушно, по-простому. Мне было всё равно, поверит мне Людмила или нет.

— Так значит, ты и правда путешественник во времени... Точно как и сказал мне тогда, при советской власти...

— Угу. А вы не верили.

— Кто же сходу в такое поверит!.. Но, слушай, и правда, ведь всё же сбылось, как ты говорил-то! И пить Горбачёв не давал, и Союз развалили... И Славочка успеха мой добился... Только сел вот, бедный...

— Да, — вздохнул я. — Всё сбылось. Хотел я историю поменять, да не получилось...

Поменял лишь свою собственную. Теперь меня вроде как нету на этом свете.

— Как-так нету? Вот же ты!

— А кроме, как в 83 году, вы меня помните?

— Так тебя ж с тех пор не было!

— «Не было»... Был я, ещё как! Вырос в этом подъезде, у вас на глазах. Вы меня с садика знали! И мать мою тоже... Кстати, вы не видели её?

— Кого — её?

— Да мать мою.

— А кто она?

— Понятно... — Я вздохнул. — В общем, получается, что из-за этого злополучного путешествия во времени у меня теперь нет ни родителей, ни документов, ни знакомых, ни незнакомых... Никого, в общем, нет! И меня самого, значит, тоже. Колобковы из квартиры меня выгнали. Так что я теперь ещё и бомж.

— Вот так история...

Бабка задумалась. А потом произнесла:

— А ты знаешь, что, Серёга? Ты признайся: ведь я тебе нравилась. Ты ведь не просто с коляской помог-то. И не просто так с цветами притащился. Да ещё и целоваться лез потом!

— Ну и что, — буркнул я. — Мало ли кто кому нравился при коммунистах...

— Ну так это... Я согласна!

— На что?

— На всё на это... Ты не смотри, что я старая! Я там, внутри, ого-го ещё! Мужика-то не хватает, знаешь как?..

Я растерялся:

— Людмила Васильевна...

— Давай просто «Люся». Как раньше. Ты же знаешь, какая я раньше была-то! Для тебя я, наверное, всё ещё молодая.

— Ну...

Сказать ей, что нет, что вообще-то ещё тогда она в моей голове была уже старой, я не решился. Обидится. Или решит, что совсем извращенец. Хотя... Всё едино.

— Айда ко мне, Серёжа, — между тем, сказала «Люся». — У меня квартира неплохая, сорок метров. Иногда что починить бывает надо, иногда открутить-прикрутить... Будем вместе новости смотреть, чай пить... А как женщина я тебя не хуже молодых удовлетворю, вот увидишь!

Я подумал, что трахаться со старухой это совсем уж капец. Потом подумал, что идти вообще-то некуда. Потом ещё подумал, что, в общем-то баба и есть баба, и что умереть девственником было бы обидно. А потом я спросил:

— А борща вы мне сварите?

— Сварю, сварю, Серёженька, — ответила Людмила.

И я согласился.

Я живу хорошо. Пенсия у Людмилы примерно такая же, как была у моей матери. Так что я сыт и ни в чём не нуждаюсь. Почту новую завёл, соцсети тоже. Правда, друзей у меня там нет — но я медленно, но верно завожу их в разных сообществах про СССР, Российскую империю, танчики и хохлосрач. Нового персонажа в Варкрафте я прокачал уже до 80 уровня. Гильдия тоже другая, не хуже прежней. В общем, жизнь у меня пришла в норму.

Секс стабильный, раз в неделю. Я доволен. Молодых мне не нужно: во-первых, у них месячные будут то и дело, во-вторых, предохраняться с ними надо, а, в третьих, они меркантильные! Ну вот правда, говорил уже: ни в телеке, ни в Интернете я ни разу не видел ни одной не меркантильной тёлки. То ли дело советские женщины! Вот такую-то я и нашел себе. Ни на шмотки, ни на парикмахерскую денег не спускает! Всё в дом.

А ещё мы с Людмилой неплохо общаемся. Перед сном в постели любим обсудить СССР: как там было хорошо, всё натурально, всё душевно; и как дерьмократы потом развалили страну. В общем, мы с ней на одной волне. Удивляюсь, как мы раньше враждовали. Вообще, из подъезда Людмила нормальнее всех. Остальные соседи вечно что-то сверлят, лают собаками, гудят пылесосами, плачут детьми и пытаются нас облучить пси-оружием. Приходится то и дело вызывать милицию, чтобы с ними разобрались. Особенно приятно, когда вызываем её к моим деду и бабке.

Кстати, в том, что меня как бы нет, есть и плюс: если я не рождён, значит, мобилизация мне не грозит.

В общем, Союз я не спас, зато бабу завёл.

Согласитесь, это тоже достижение.

Больше книг на сайте - Knigoed.net